ДБ 23
М-88

Мрочек-Дроздовский

„Старшая дружина на службе московских государей" М., 1899

Дорогому
Александру Никитичу
Грилитову
от автора.

ДБ
23
М88

СТАРШАЯ ДРУЖИНА

НА СЛУЖБѢ

МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

(Окольничіе и бояре введенные).

СТАТЬЯ

П. Мрочекъ-Дроздовскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899

АБ
23
М88

СТАРШАЯ ДРУЖИНА

НА СЛУЖБѢ

МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

(Окольничіе и бояре введенные).

СТАТЬЯ

П. Мрочекъ-Дроздовскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
523797

Изъ Ученыхъ Записокъ по Юридическому факультету.

Старшая дружина на службѣ московскихъ государей.

(Окольничіе и бояре введенные).

I.

Окольничество было вторымъ сверху чиномъ въ служилой іерархіи Московскаго государства, хотя, при этомъ, оно и не было необходимою ступенью къ боярству.

Слово *окольничій* могло быть только названіемъ чина или же оно могло обозначать опредѣленную *окольничью* службу, должность, отъ которой произошло и самое названіе. Въ самомъ дѣлѣ,—съ одной стороны сами служилые люди, какъ то видно будетъ далѣе, считали *прямымъ* окольничествомъ именно этотъ чинъ—безъ всякаго отношенія его къ какому-либо должностному назначенію, но—съ другой—въ памятникахъ московскаго времени находятся, какъ извѣстно, указанія на нѣкоторыя опредѣленныя *окольничьи* службы, напримѣръ,—объявленіе государю иноземныхъ пословъ, становое, или походное, окольничество.

Записи объ объявленіи пословъ окольничими такъ многочисленны, что приводить ихъ нѣтъ надобности. Нѣкоторыя записи указываютъ на особое *окольничье мѣсто* въ палатѣ, гдѣ происходили посольскіе пріемы, какъ равно и торжественные *столы* по разнымъ случаямъ. Такимъ образомъ, объявленіе пословъ представляется какъ бы особою должностью окольничихъ, оно какъ бы пріурочиваетъ окольничество къ посольскимъ пріемамъ.

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи данныхъ о посольскихъ объявленіяхъ такая догадка окажется ошибочною,

Слово *объявленіе* на языкѣ разрядовъ значило то же, что оно значитъ и на нашемъ современномъ языкѣ: провозглашеніе объявляемаго лица, дара, пожалованья. За царскими столами объявляли тому или другому изъ присутствующихъ, что государь жалуетъ его столовою дачей; объявляли, т. е. представляли, государю-хозяину приглашенныхъ къ столу лицъ при входѣ ихъ въ палату, гдѣ былъ столъ [1]).

Такія объявленія дѣлались разными чинами по чинамъ объявляемыхъ: бояръ объявляли окольничіе, окольничихъ — стольники [2]). Да и вообще—объявленія лица лицу въ московскомъ разрядномъ обиходѣ поручалось разнымъ чинамъ смотря не только потому, кому объявляли, но и по тому, кого объявляли и при какихъ обстоятельствахъ [3]).

---

[1]) *Объявленіе—обвѣщаніе, сказываніе.* „. . и князь Бориса *объявилъ* Льву Сапѣгѣ отецъ твой"; то же по другому списку: „и *обвѣщалъ*-де его (кн. Бориса) послу (Сапѣгѣ) отецъ его, кн. Андрей Елецкой". *Дворцовые Разряды*, I, 368—370. Джона Мерика на пріемѣ *объявлялъ* окольничій кн. Гр. Конст. Волконской, а звать посла къ государеву столу посланъ былъ кн. Григ. Вас. Тюфякинъ, который по этому поводу и замѣстничался съ Волконскимъ. Въ приговорѣ по этому дѣлу сказано: „стольнику, которой посла зоветъ къ столу, до околничаго, которой посла *сказываетъ*, въ отечествѣ дѣла нѣтъ," ibid 219 – 222.—Въ томъ же смыслѣ употреблялось слово *являть*: „великому государю пословъ и королевскіе поминки *являлъ* окольничей Василей Семеновичъ Волынской". Доп. къ III т. Д. Р., 403. Слово *являть* относится обыкновенно къ посольскимъ и инымъ дарамъ; въ этомъ значеніи оно замѣняется также словомъ *сказывать*: являлъ государю кн Львовъ государя свят. патріарха дары по росписи", Д. Р. I, 780 и сл., „купчинъ государю *сказывалъ* и дары *являлъ* посольскій думной дьякъ Ефимъ Григорьевъ сынъ Телепневъ, ibid, 881 и сл. Ср. „объявлялъ пословъ и дары *сказывалъ* окольничей кн. Гр. Конст. Волконской", ibid, 665 и сл.—То же слово, *являть*, иногда употреблялось въ смыслѣ объявленія государевыхъ пожалованій разными милостями, для чего, какъ извѣстно, употреблялись слова *сказывать* (такіе-то чины *сказаны*), *сказка* (*у сказки* чиновъ *стояли* такіе-то); „а *являли* отъ великого князя Василью Семеновичю великого князя жалованье, что жалуетъ его, даетъ за него свою своякиню, бояре Яковъ Захарьинъ да Григорей Ѳедоровичь, да печатникъ Юрьи Дмитрѣевичь Траханиотовъ, да дьяки". Свадьба кн. В. С. Стародубскаго съ Маріею Юрьевн. Сабуровой, Апрѣль 1506 г. *Разр. Кн.* Арх. Ин. Дѣлъ, издаваемая въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Милюковымъ.

[2]) За столомъ 9 мая 1616 г, на Угрѣшѣ, окольничій Никита Вас. Годуновъ былъ назначенъ являть бояръ. Д. Р. I, 226.— За столомъ 21 дек. 133 г. окольн. кн. Дан. Иван. Долгорукой-Шабановскій замѣстничался съ бояр. Ѳед. Иван. Шереметевымъ. Государь приказалъ насильно посадить его ниже Шереметева, „а столнику князь Ѳедору Куракину государь сказывать его, князь Данила, не велѣлъ, и подачъ ему отъ государя и отъ государя патріарха въ столъ не было"; ibid, 656.

[3]) Антіохійскаго патріарха Макарія на отпускѣ (мартъ 1656 г.) объявлялъ бояр. кн. Юрій Алексѣев. Долгорукой, а сербскаго патріарха Гавріила, тогда-же,— думн. дьякъ Алмазъ Ивановъ. Доп. къ III т. Д. Р., 28. На посольскихъ съѣздахъ пословъ иностранныхъ объявляли дворяне, стольниковъ, пришедшихъ къ посламъ съ царскимъ столомъ, объявляли пристава. Д. Р. I, 315, III, 50 и др. — Датскаго королевича Вальдемара, пріѣхавшаго съ посольствомъ въ августѣ 1641 г., объявлялъ какъ и другихъ пословъ, окольн. кн. Ѳед. Ѳед. Волконской, а въ январѣ 1644 г., когда

Вслѣдствіе этого и окольничіе не всегда объявляли пословъ и иныхъ дипломатическихъ агентовъ. Это зависѣло какъ отъ званія посла, такъ и отъ того, откуда онъ пришелъ. Пословъ сибирскихъ, бухарскихъ, черкасскихъ, шведскихъ, датскихъ и бранденбургскихъ, а равно и персидскихъ купчинъ объявляли обыкновенно дьяки. Но иногда шведскихъ, датскихъ пословъ и персидскихъ купчинъ объявляютъ окольничіе [4]). Относительно объявленій бранденбургскихъ пословъ любопытенъ слѣдующій случай. Въ 1650 году бранденбургскій посланникъ представлялся государю вмѣстѣ съ польскимъ гонцомъ: гонца объявляетъ окольничій кн. Дм. Петр. Львовъ, а посланника—дьякъ Михайла Волошениновъ [5]).

За нѣкоторый, такъ-сказать, должностной оттѣнокъ посольскихъ объявленій говоритъ какъ бы то, что, кромѣ окольничихъ, пословъ объявляли обыкновенно думные дьяки Посольскаго приказа. Но посольскіе думные дьяки бывали объявителями и въ такихъ случаяхъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ службѣ. Такъ, напримѣръ, за торжественнымъ царскимъ столомъ 24 августа 1690 года, въ честь новопоставленнаго патріарха Адріана, царскіе дары объявлялъ патріарху посольскій думный дьякъ Емельянъ Иван. Украинцевъ, или—раньше—пожалованье въ 1634 г. Степ. Матв. Проѣстева въ думные дворяне сказывалъ посольскій же думны дьякъ Ив. Тар. Грамотинъ [6]).

Неурядица отдѣльныхъ назначеній и порученій, столь свойственная московскому приказному строю, достаточно извѣстна. Посольскому дьяку могло быть поручено объявленіе даровъ патріарху на томъ же основаніи, на какомъ, напримѣръ, Разрядному приказу могъ быть порученъ надзоръ за вѣсомъ калачей. При такомъ общем свойствѣ приказнаго уряда едва ли можно считать то или другое

тотъ-же королевичъ *выѣхалъ на государево имя*, его объявляетъ бояр. кн. Алексѣй Мих. Львовъ; пришедшее же съ нимъ посольство — окольн. Вас. Ив. Стрѣшневъ. ibid, II, 659 и сл. 725.—При вел. кн. Василіи Ивановичѣ пословъ обыкновенно объявляли не окольничіе, а бояре. *Соловьевъ*, V, 374.

[4]) Д. Р. II, 557, 562, 737, III 146. Объявленіе окольничими датскихъ пословъ и персидскихъ купчинъ см. ibid, I, 916, II, 224. На пріемѣ 31 марта 1626 г. шведскихъ пословъ, Эвердбремена и Индриха Фаунгорна, объявлялъ окольн. кн. Григ. Конст. Волконской. *Записн. кн. Московск. стола*, Арх. Мин. Юст., № 15 (2-й группы) л. 80 об., Д. Р., I, 795 и сл.

[5]) Д. Р. III, 155.

[6]) Ibid., IV, 588, ср. ibid., 492; *Записн. кн. Моск. стола 142 г.*, Русск. Истор. Библ., IX, 561.

порученіе должностною принадлежностью даннаго чина только потому, что это порученіе нерѣдко съ нимъ соединялось. Не говоримъ ужъ о личномъ довѣріи государя: это могло нарушить и твердо-установившуюся практику назначеній. Думный дворянинъ Арт. Серг. Матвѣевъ въ ноябрѣ 180 года объявляетъ польскихъ *великихъ и полномочныхъ* пословъ [7]) — конечно, не потому, что онъ былъ въ то время начальникомъ Посольскаго приказа: эти начальники далеконевсегда бывали посольскими объявителями, а лишь по приказу государя своему любимцу и довѣренному лицу.

Наконецъ, въ самомъ объявленіи пословъ, по существу, нѣтъ рѣшительно ничего такого, что указывало бы на какое-либо отношеніе къ посольскому дѣлу или на что можно было бы указать какъ на признакъ опредѣленной постоянной должности. Объявленіе это состояло лишь въ докладѣ государю о томъ, что такіе-то послы *Царскому Величеству челомъ бьютъ*, а если объявитель говорилъ рѣчь объявляемымъ посламъ, то непначе какъ «*по писму изъ Посолского приказу*» [8]). Такое дѣло могло быть поручено любому чину, и изъ него нельзя добыть ни одной черты для объясненія окольничества.

---

[7]) Посольство Яна Гнинскаго, воеводы Хелминскаго, съ тов.: „великому государю пословъ объявлялъ и отъ великаго государя рѣчь имъ говорилъ и о здоровьѣ спрашивалъ думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, а королевскіе поминки и посолскіе дары объявлялъ посолской думный дьякъ Григорій Богдановъ по росписи изъ Посолского приказу". *Записн. кн. Московск. стола о пріемѣ въ Москвѣ пословъ разныхъ государствъ.* 180—188 годовъ, Арх. Мин. Юст., № 69 (2-й группы), л. 42; Д. Р. III, 883.

[8]) Посольство въ маѣ 1678 года, Михаила Чарторыжскаго, Волынскаго воеводы, и Казимира Сапѣги, Полоцкаго воеводы съ тов. На пріемѣ 10 мая, въ Грановитой Палатѣ пословъ объявлялъ окольничій Александръ Севастьяновичъ Хитрово, „а говорилъ: Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ Отчичь и Дѣдичь, и Наслѣдникъ, и Государь, и Обладатель! Брата Вашего, Наияснѣйшаго и Великаго Государя Яна Третіяго, Божіею милостью Короля Полского и Великаго Князя Литовского, Руского и иныхъ, Его Королевскаго Величества великіе и полномочные послы, князь Михайло Наклевани (sic) Чарторыжской, воевода Волынской, Казимеръ Янъ Сапѣга, воевода Полоцкой, Борисовской и Волтепинской староста, Геронимъ Камаръ, судья земской Оршанской, секретарь посолской, Вамъ, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству челомъ ударили". *Зап. кн.* 180—188 год. Арх. Мин. Юст., л. 338. — Польскимъ же посламъ, Конст. Томицкому, Велюпскому каштеляну, съ тов., окольничій-объявитель (имени его не показано) на пріемѣ рѣчь говорилъ „по писму изъ Посолского приказу". Ibid., 425.

Показанія источниковъ объ особомъ *окольничьемъ мѣстѣ*, какъ мы видѣли, могутъ подать поводъ къ предположенію о непремѣнномъ должностномъ присутствіи окольничаго на посольскихъ пріемахъ.

Среди этихъ показаній найдется и такое, которое помѣститъ сюда окольничаго и именно окольничаго-объявителя, самое же мѣсто назоветъ *околничаго*, *околничево* мѣстомъ; даже какъ бы поставитъ объявленіе въ прямую связь съ сидѣньемъ на этомъ мѣстѣ. Въ записи объ отпускѣ персидскихъ купчинъ въ апрѣлѣ 1627 года сказано: «*на околничемъ* [9]) *мѣстѣ сидѣлъ въ засѣдкахъ околничей Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ, купчинъ являлъ*» [10]).

Но и это соблазнительное свидѣтельство, въ сущности, ровно ничего не доказываетъ. Достаточно сопоставить съ нимъ слѣдующую запись того же года: датскаго гонца являлъ думный дьякъ Еф. Гр. Телепневъ, «*а на околничемъ мѣстѣ сидѣлъ околничей князь Григорей Констянтиновичь Волконской*» [11]). Да, наконецъ, что сидѣнье на окольничемъ мѣстѣ не имѣетъ вообще никакого отношенія къ окольничему-объявителю и къ какому бы то ни было участію его или иного объявителя въ посольскомъ дѣлѣ,—въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ записей о посольскихъ пріемахъ, при которыхъ окольничье мѣсто занимаютъ *власти*, а *подъ властями* или же и безъ нихъ на этомъ мѣстѣ сидятъ стольники, дворяне [12]).

---

[9]) Въ друг. сп.: „на *околничаго*“; „на *околничевъ*...“.

[10]) Д. Р. I, 916. См. у *Сергѣевича*, Русск. Юр. Древн., I, 387.

[11]) Д. Р. I 902.

[12]) См., напр., Д. Р. I. 799 и сл., 809 и сл., 925, 963 и сл., II, 189, 191 —Въ придворныхъ свадебныхъ столахъ на окольничемъ мѣстѣ сидѣли и бояре, и, вмѣстѣ съ ними, окольничіе. Такъ, на 1-й свадьбѣ князя Владиміра Андреевича (58 г.) на окольн. мѣстѣ сидѣли бояр. кн. Дм. Ив. Курлятевъ и окольничіе, Влад. и Петръ Вас. Морозовы и Ив. Ѳед. Карповъ; на свадьбѣ царя Симеона Касаевича (62-й г.) на томъ же мѣстѣ—бояре, кн. Дм. Ѳед. Палецкой, Ѳед. Гр. Адашевъ, и окольничій Алексѣй Ѳед. Адашевъ. Иногда на окольн. мѣстѣ сидѣли одни бояре, какъ на свадьбѣ кн. Андрея Ивановича (1533 г.) и на 2-й свадьбѣ Владимира Андреевича (1555 г.) окольничіе же иногда сидѣли и въ большомъ столѣ: на 1-й свадьбѣ Влад. Андреев. въ бл. столѣ съ боярами сидѣлъ окольн. Андр. Ал. Квашнинъ. Въ разные дни свадебнаго пиршества—нѣкоторыхъ лицъ—вѣроятно, изъ-за-мѣстническихъ соображеній—пересаживали. Такъ, на 1-й св. Влад. Андр. бояр. кн. Курлятевъ на 2-й день перемѣщенъ съ окольн. мѣста въ большой столъ, а бояр. Ив. Петров. Ѳедоровъ — обратно, „а на третей день сидѣли бояре и околничіе, и дворетцкие въ большомъ столѣ, и въ кривомъ столѣ, и на околничемъ мѣстѣ по тому жъ какъ сидѣли въ тѣхъ же столѣхъ на первой день“. На 2-й св. того же князя видимъ перемѣщеніе изъ крив. стола на окольн. мѣсто и обратно (бояръ Мих. Яков. Морозова и Юрія Мих. Воронцова). Столы были большой и кривой; ту сторону столовъ, которая была противъ главной стороны, занимала такъ наз. *скамья*; ниже этихъ столовъ, по разрядамъ, было окольн. мѣсто. Все это видно изъ столовыхъ разрядовъ 1-й свадьбы Старицкаго: „а въ кривомъ столѣ сидѣли бояре (имена), *а противъ бояръ, въ скамьѣ*, казначей“; *скамья* упом. въ разрядахъ 1 и 2 дней этой свадьбы, а въ

Итакъ, *прямые* окольничіе, какъ и иные чины, получали разныя должностныя назначенія, которыя были, конечно, почетнѣе должностей, приказываемыхъ стольникамъ и инымъ низшимъ чинамъ [13]); назначались окольничіе и посольскими объявителями. Но для раскрытія существеннаго смысла окольничества такія назначенія совершенно безразличны.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о должности *государева береженія*, или *хожденія передъ государемъ* для того, чтобъ *беречь путь* его. Порученіе этой должности обусловливается, конечно, полнымъ довѣріемъ къ тому, кому давалось такое порученіе: это—охрана государя какъ отъ дѣйствительныхъ опасностей, такъ и отъ чаръ и дурныхъ примѣтъ.

Источники показываютъ, что такая охрана бывала на государевыхъ свадьбахъ и въ государевыхъ походахъ. Въ послѣднемъ случаѣ охрана соединялась съ *заимкою становъ* по пути государева шествія.

На основаніи записей о великокняжескихъ и царскихъ свадьбахъ и разрядовъ этихъ свадебъ, должно сказать, что въ XVI вѣкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда назначалось *хожденіе* передъ брачущимися,—это *хожденіе* поручалось свойственникамъ государя-жениха. Такъ, на первой свадьбѣ Іоанна IV, ходилъ передъ государемъ Даніилъ Романовичъ Юрьевъ съ поддатнемъ [14]), на третьей свадьбѣ того же государя хожденіе также было поручено родственникамъ невѣсты, Собакинымъ [15]). Безъ сомнѣнія, будущимъ свойственни-

---

привед. краткой записи 3-го дня скамья не упом., а только оба стола и окольничье мѣсто. Всѣ показанія взяты изъ Разр. Кн. Арх. Ин. Дѣлъ, указанной въ 1-мъ примѣчаніи.

13) Впрочемъ, какъ извѣстно, иногда чинъ уступалъ породѣ, напр., окольничій Арт. Вас. Измайловъ былъ въ товарищахъ астраханскаго воеводы, стольника князя Сем. Вас. Прозоровскаго. Д. Р. I, 484.

14) „.... а передъ великимъ княземъ ходилъ окольничей Данило Романовичъ Юрьевъ да Андрей Александровичъ Квашнинъ.“ Др. Вивліоѳ., XIII, 31. Изъ Шереметевскаго списка видно, что Юрьевъ сказанъ въ окольничіе лишь въ 56 году. Свадьба была въ февралѣ 1547 г. Но Юрьевъ названъ окольничимъ и въ другой, краткой, записи свадьбы въ Архивской Разрядной, уп. въ 1-мъ примѣч.

15) Др. Вивліоѳ. XIII, 88, 93—94.

камъ было весьма важно, чтобъ бракъ состоялся и чтобы свадебныя торжества прошли благополучно; поэтому — свойственники были безусловно-надежными охранителями государя въ свадебныхъ шествіяхъ.

Иногда хожденіе передъ государемъ-женихомъ поручалось особо-приближеннымъ къ государю лицамъ безъ различія чиновъ. На второй свадьбѣ великаго князя Василія Іоанновича въ хожденіи видимъ боярина Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина и Шигону Поджогина, близость которыхъ къ Василію извѣстна [16]).

Въ XVII вѣкѣ этотъ порядокъ назначеній измѣнился. Въ свадебныя хожденія назначаются лица постороннія и неотличенныя особымъ, чрезвычайнымъ довѣріемъ государя. Но выборъ, при этомъ, падаетъ обыкновенно не на бояръ, а на окольничихъ. Окольничіе въ XVII вѣкѣ берегутъ государевъ путь въ свадебныхъ хожденіяхъ [17]). Эта честь рѣдко достается боярамъ, при чемъ бояре назначаются въ свадебныя хожденія, повидимому, лишь для бо́льшей торжественности; въ поддатни къ нимъ назначается окольничій, и

---

[16]) Ibid. 16. Кромѣ Захарьина и Поджогина въ хожденіи участвовалъ кн. Мих. Иванов. Кубенской, какъ поддатень перваго. Кубенской сказанъ въ бояре въ годъ свадьбы, но, можетъ быть, позднѣе 28 января, когда было вѣнчаніе. Захарьинъ сказанъ въ бояре изъ окольничихъ въ 7029 году.

[17]) *Свадьба царя Василія Іоанновича Шуйскаго.* Хожденіе поручено окольничимъ, кн. Дм. Вас. Туренину (окольн. еще при Годуновѣ) и Арт. Вас. Измайлову (окольн. въ 115 г., свадьба была въ январѣ 1608 г.). ibid., 127. — *Первая свадьба царя Алексѣя Михайловича*: „передъ государемъ шелъ въ соборъ и *пути берегъ, чтобы никто не переходилъ*, околничей Борисъ Ивановичь Пушкинъ да дьякъ Давыдъ Дерябивъ". Д. Р. III, 84. Тѣ же лица и для того же шли и передъ царевной-невѣстой въ Грановитую Палату—передъ вѣнчаніемъ. Д. Вивл., XIII, 191. На 2 й свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича, въ томъ же шествіи, „передъ государыней (т.-е. царевной-невѣстой) шли напередъ по сторонамъ околничей князь Григорей Константиновичъ Волконской да дьякъ Иванъ Болотниковъ и *берегли пути, чтобъ никто не переходилъ*," ibid., 152. Въ тѣхъ же шествіяхъ государей *хожденіе* окольничихъ замѣняется предшествіемъ св. креста и окропленіемъ пути св. водою. Передъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по пути въ Грановитую Палату, шелъ Благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ, „а путь передъ государемъ кропилъ св. водою крестовый недѣльный попъ"; то же — передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Ibid., 155, 195.—При *хожденіяхъ* духовенство, повидимому, слѣдовало за женихомъ, по крайней мѣрѣ, на 3-й свадьбѣ Грознаго назначено было „по церквамъ за государемъ ѣздити протопопу Покровскому, а со святой водой ѣздити священнику Василью да д(ь)якону Ѳомѣ". *Рукописн. сборн. стольниковъ Собакиныхъ* въ Арх. Ин. Дѣлъ, № 123/171, л. 3. — Въ шествіяхъ царевенъ-невѣстъ (см. выше) духовенство слѣдовало за окольничими съ ихъ поддатнями. – Указываемый въ этомъ примѣчаніи архивскій сборникъ имѣетъ два надписанія. Одно изъ нихъ „*свадьбы*" не соотвѣтствуетъ содержанію сборника, гдѣ не однѣ свадебныя записи, и сдѣлано по первой статьѣ. Другое—„*сия книга столниковъ Михайла да Петра Васильевичевъ Собакиныхъ*". Запись этого сборника о 3-й свадьбѣ Грознаго (этою записью и начинается сборникъ) во многомъ разнится съ записью Вивліоѳики.

на этомъ боярскомъ поддатнѣ, вѣроятно, и лежитъ самая охрана государя [18]).

Итакъ, естественные охранители государя, близкія, довѣренныя лица замѣняются не боярами, высшимъ, наиболѣе приближеннымъ къ государю чиномъ, а вторымъ—окольничими. Источники не даютъ отвѣта о причинахъ этого, повидимому, страннаго явленія. Они и не могутъ дать такого отвѣта, ибо они знаютъ только *прямое* окольничество. Пока и мы оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ и перейдемъ къ другому виду государева береженія,—къ походному хожденію передъ государемъ, къ *заимкѣ становъ*.

Въ первой четверти XVII вѣка заимка поручается обыкновенно окольничимъ, въ поддатни которымъ даются дворяне. Любопытно, что при этомъ и поддатни называются также *окольничими* [19]) и—такимъ образомъ—отъ *прямаго* окольничества отличается *окольничество, какъ опредѣленная должность*.

Со временемъ становое окольничество все чаще поручается дворянамъ—помимо окольничихъ; прежде, повидимому, однимъ только

---

[18]) *Первая свадьба царя Михаила Ѳеодоровича:* „передъ государемъ ходили *вмѣсто окольничихъ (въ окольничихъ)* бояре, князь Иванъ Никитичь Одоевскій, князь Андрей Васильевичь Сицкой, окольничей князь Григорій Константиновичь Волконской". Д. Р. I, 634. Д Вивліоѳ. XIII, 142. По смыслу этой записи—скажемъ кстати—самое хожденіе считается *окольничествомъ*. Ср., далѣе,—о становомъ окольничествѣ.

[19]) *Троицкій весенній походъ 1614 г.*: „передъ государемъ были *окольничіи для становъ*—окольничей Никита Васильевичь Годуновъ да Иванъ Полосуха Ѳеонасьевъ сынъ Загрязской". Д. Р. I, 132. Ср. *тотъ же походъ 1623 г.*: „а передъ государемъ по станамъ *вмѣсто окольничихъ дворяне*, Василій Матвѣевъ сынъ Бутурлинъ да Иванъ Ѳеонасьевъ сынъ Загрязской Полосуха", ibid., 558. Этотъ Загрязскій былъ и впослѣдствіи дворяниномъ, такъ, онъ упоминается въ спискѣ дневальныхъ дворянъ на государевомъ дворѣ въ 1626 г. *Записн. кн. Московск. стола* этого года, Русск. Ист. Библіот. IX, 401. Загрязскій, повидимому, и умеръ въ томъ же чинѣ. *Алфав. къ боярск. книгамъ*, 144. Ср. *Сергѣевича* Р. Ю. Д. I, 386.— *Угрѣшскій весенній походъ 1620 г.* „*окольничихъ* велѣлъ государь отпустить передъ собой, государемъ, окольничаго Ѳедора Васильевича Головина да *дворянина* Ивана Константинова сына Карамышева". Д. Р. I, 451. *Троицкій осенній походъ 129 года*: „а *окольничіе* были въ этомъ походѣ Ѳедоръ Васильевичь Головинъ да Юрій Алѳиногеновъ сынъ Редриковъ" ibid., 465. Упомянутый здѣсь Редриковъ оставался всю жизнь дворяниномъ (*Алфав.*, 352) и въ росписи подводъ по чинамъ (указъ 8 марта 1627 г.) обозначенъ московскимъ дворяниномъ послѣдней, пятой, статьи. Р. И. Б., IX, 521.—*Туда же осенній походъ 145 г.*: „послалъ государь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь передъ собою, государемъ, *въ окольничихъ* окольничаго князя Семена Васильевича Прозоровскаго да Никиту Ѳедорова сына Панина". Д. Р. II, 521. Никита Ѳедор. Панинъ оставался дворяниномъ до постриженія въ иночество во 160 году. Арх. Мин. Юст., Боярск. кн. 148 г., № 4, л. 196.—Всѣ упомянутые къ этомъ примѣчаніи дворяне были дворяне московскіе. Панинъ ранѣе 135 года былъ городовымъ козельскимъ. См. слѣд. прим. и *Алфав.*, 313.—Боярскихъ книгъ до 135, а боярскихъ списковъ до 176 г. не сохранилось въ Арх. Мин. Юст.

кореннымъ московскимъ, а впослѣдствіи и городовымъ, вновь пожалованнымъ въ московскіе [20]). Самостоятельное назначеніе дворянъ въ заимку называется въ разрядахъ безразлично, то *вмѣсто окольничихъ*, то—просто въ окольничіе (т. е. становые). Наконецъ, самое слово *окольничій* перестаетъ употребляться относительно становой заимки [21]).

---

[20]) *Троицкій осенній походъ* 138 г. Государь послалъ „въ окольничихъ мѣсто дворянъ князь Алексѣя княжъ Васильева сына Пріимкова Ростовскаго Чечюлю да Никиту Ѳедорова сына Панина, *былъ Козлитинъ, служилъ по Козелску*“. Д. Р. II, 92.—*Урьинскій лѣтній походъ* 1634 г. Государь послалъ „вмѣсто окольничихъ дворянъ князь Никиту княжъ Михайлова сына Мезецкого да Богдана Мирославова сына Приклонскаго“. Къ именн послѣдняго въ одн. сп. прибавлено: „а отецъ его, Богдановъ Мирославъ, и онъ, Богданъ, Нижегородцы“ ibid., 384. Богданъ Приклонскій—по московскому списку. повидимому, съ 136 г. (*Алфав.*, 337).—Боярской книги 136 г. нѣтъ.

[21]) *Троицкій осенній походъ* 135 г. Государь „послалъ передъ собою *окольничихъ* князь Алексѣя княжъ Иванова сына Чечюлю Пріимкова Ростовскаго да Потапа Дмитрева сына Нарбекова“. Далѣе о томъ же походѣ: „а передъ государемъ для становъ *вмѣсто окольничихъ* дворяне князь Алексѣй Чечюля княжъ Ивановъ сынъ Пріимковъ Ростовской да Потапъ Дмитреевъ сынъ Нарбековъ“. Д. Р. I, 857.—Въ Записной книгѣ Московскаго стола 135 г., въ спискѣ становыхъ окольничихъ съ 122 г. въ этомъ походѣ также показаны кн. Ал. Вас. Пріимковъ Ростовскій и Нарбековъ. Р. И. Б. IX, 523, ср. Алфав.. 337—338. — Со временемъ оба эти выраженія перестали употребляться для обозначенія заимки вообще. Съ 30-хъ—40-хъ годовъ все чаще, а потомъ и постоянно въ записяхъ о заимкѣ говорится: „*передъ государемъ для становъ дворяне* (такіе-то)“. См., напр., Д. Р. II, 317, 483 и мн. др.; то же и про окольничихъ-заимщиковъ,—напр., въ походѣ царя Алексѣя Михайловича въ Саввинъ Сторожевскій монастырь 160 г.: „передъ государемъ для становъ околничей князь Ѳедоръ Юрьевичь Хворостининъ да столникъ князь Василей княжъ Богдановъ сынъ Волконской“ или—въ походѣ царя Ѳедора Алексѣевича въ Воскресенскій и Саввинъ монастыри 188 г.: „по его, великаго государя, указу были для заимки становъ околничей Григорей Никифоровичь Собакинъ, изъ дворянъ Григорей Петровъ сынъ Боборыкинъ, дьякъ Григорей Богдановъ“. Д. Р. III, 286, IV, 128—129. — Надо замѣтить, что реченіе *вмѣсто*, въ разрядахъ невсегда означаетъ замѣну. Иногда оно употребляется и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣны никакой нѣтъ. Въ записи о государевомъ столѣ въ день Рождества Христова 133 г. сказано: „У стола стояли *вмѣсто крайчаго* столники князь Василей Еншинъ Мурзинъ сынъ Сулешевъ, Левъ Ѳѳонасьевъ сынъ Плещеевъ“ ib., I, 658. Кн. Сулешевъ смѣнилъ въ крайчествѣ Мих. Мих. Салтыкова, пожалованнаго въ окольничіе, еще въ январѣ 1623 г., ib., 533, *Шерем. сп.*; въ мартовскихъ и майскихъ записяхъ 1625 г. Сулешевъ прямо называется крайчимъ. Ib., 663, 690. Л. Аѳ. Плещеевъ былъ товарищемъ крайчаго при Салтыковѣ, остался въ этой должности при Сулешевѣ и по смерти послѣдняго сталъ крайчимъ. Такимъ образомъ, на рождественскомъ обѣдѣ 133 г. Сулешевъ и Плещеевъ были на своихъ мѣстахъ и никого не замѣняли. Напротивъ, если Плещеевъ почему-либо отсутствуетъ, то въ разрядахъ прямо указывается причина отсутствія. ib., 829. По тѣсной должностной связи крайчаго съ товарищемъ, иногда оба они называются крайчими, такъ,— въ приказномъ разрядѣ 139 г. читаемъ: „*крайчіе* у государя у стола стояли князь Василей Еншеевичь Сулешевъ да Левъ Ѳѳонасьевичъ Плещеевъ“ ib., II, 240, хотя въ столовыхъ записяхъ 140 г. Сулешевъ называется крайчимъ и съ *вичемъ*, а Плещеевъ просто стольникомъ и безъ *вича*, ib., 248.—О назначеніи Плещеева по смерти Сулешева († 144 г.) въ Шерем. сп ошибка: сказано, что Плещеевъ назначенъ казначеемъ, между тѣмъ съ 144 по 148 г. нѣтъ показанія о назначеніи кого-либо въ крайчіе, хотя въ общихъ перечняхъ 146 и 147 годовъ говорится, что крайчій тотъ же, а подъ 148 годомъ записано: „*отставленъ крайчій Левъ Ѳѳонасьевичь Плещеевъ*“.—Иногда слово *вмѣ-*

Такимъ образомъ, охрана особы государя нѣкогда *почему-то* обыкновенно поручалась окольничимъ и даже считалась должностью этого чина. Это должностное значеніе окольничества съ теченіемъ времени исчезаетъ,—довѣріе государя и долгъ государевой охраны какъ бы постепенно распространяется на весь служилый классъ сверху внизъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, по свидѣтельству разрядовъ, заимка большою частію поручается снова окольничимъ, но самая заимка уже перестаетъ быть *окольничествомъ*,—должностью окольничьяго чина, какъ то было въ началѣ этого вѣка. Окольничимъ заимка поручается уже только потому, что это назначеніе признается пристойнымъ, сверстнымъ для прямаго окольничества, второго, по старшинству, чина въ государствѣ. Свадебное *окольничество* удержалось дольше станового, несомнѣнно, потому, что свадебные чины вообще долго сохраняютъ въ себѣ старину, даже и утратившую всякое значеніе, обратившуюся въ безсознательную обрядность. Но едва ли и здѣсь должностное окольничество удержалось позднѣе второй половины XVII вѣка [22]).

Слѣды окольничьей должности, неясные въ XV—XVI вѣкахъ и уже исчезающіе въ XVII,—эти остатки старины заставляютъ, какъ сказано выше, придти къ странному, повидимому, заключенію.

сто означаетъ не замѣну, а смѣну и вообще новое назначеніе, что отчасти видно и изъ примѣра о крайчемъ. Но вотъ еще примѣръ этого. Назначеніе кн. Львова дворецкимъ на мѣсто Далматова Карпова, пожалованнаго въ окольничіе, записано такъ: „того жъ дни (какъ Карпову сказ. окольничество) велѣлъ государь вѣдать во дворцѣ и сидѣть у отдачи *вмѣсто дворецкаго* изъ дворянъ князь Алексѣю княжъ Михайлову сыну Львову"; или въ приказномъ разрядѣ 134 г. записано: „на земскомъ дворѣ *въ боярское мѣсто* Степанъ Матвѣевъ сынъ Проѳстевъ да Василей Васильевъ сынъ Сьяновъ". Д. Р., I, 760, 847. Послѣдняя запись говоритъ, конечно, о назначеніи Проѳстева начальникомъ Земскаго приказа, а Сьянова — его товарищемъ. Наконецъ, слово *вмѣсто* опускается при несомнѣнной замѣнѣ. У стола 27 ноября 134 г. Плещеевъ замѣн. Сулешева, находившагося въ отпуску; въ записи объ этомъ сказано: „у стола стояли столники Левъ Ѳеонасьевъ сынъ Плещеевъ, Ѳедоръ Михайловъ сынъ Толочановъ, а князь Василей Еншинъ отпущенъ молиться къ Макарью Желтоводскому чюдотворцу" ib., 759.— У столовъ 17 — 18 апрѣля 1625 года больного дворецкаго Далматова-Карпова замѣнялъ кн. Сулешевъ,—въ записи: „за паставцомъ сидѣлъ у отдачи столникъ Василей Еншинъ мурзинъ сынъ Сулешевъ, а Левъ Карповъ былъ боленъ", ib., 676—677.

[22]) Можно думать, что частныя преобразованія свадебныхъ чиновъ XVII в. коснулись и хожденія. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича, по краткой записи о ней, „*передъ государемъ ходили бояре и окольничіе*" Вивліоѳ. XIII, 176, хотя, какъ мы знаемъ, *пути* въ соборъ *берегъ* окольничій съ поддатнемъ. Здѣсь какъ-бы новое соединяется съ прежнимъ обычаемъ. На второй же свадьбѣ того же государя, по самой обстоятельной записи объ этой свадьбѣ, по пути въ соборъ передъ брачущимися шелъ священникъ Рождественскаго собора и кропилъ путь свят. водою. Д. Р. III, 872 и слѣд.; ни о какихъ другихъ хожденіяхъ здѣсь не упоминается.

Окольничіе, второй чинъ, ближе къ государю, чѣмъ бояре, первый и, казалось бы, потому и наиболѣе приближенный чинъ. Но это странно только съ точки зрѣнія служилыхъ разрядовъ.

Источники знаютъ *бояръ-окольничихъ*, указывая, такимъ образомъ, на то время, когда окольничество не отдѣлялось отъ боярства. Слѣдъ этого совмѣщенія оставался еще въ началѣ XVI вѣка. Въ это время употребляется терминъ *боярин-окольничій*—въ смыслѣ почетнаго званія, которое временно предоставлялось данному лицу съ цѣлью придать послѣднему бо́льшее значеніе независимо отъ его чина [23]). Позднѣе соединеніе окольничества съ боярствомъ, повидимому, болѣе не встрѣчается,—оно и въ смыслѣ временнаго титула стало такъ же неупотребительно, какъ въ наше время соединеніе чиновъ разныхъ классовъ.

Но—какъ бы то ни было—мы знаемъ, что нѣкогда были *бояре-окольничіе* и просто бояре, и что званіе *боярина-окольничаго* было преимущественно почетнымъ званіемъ,—значитъ, оно и считалось выше, честнѣе простого *боярства*.

---

[23]) Въ лѣтописяхъ подъ 7017 годомъ читаемъ: „послалъ князь велики Василей Ивановичь всеа Руси пословъ своихъ въ Литву, к королю Полскому Жихдимонту о миру и о любви, и о вѣчномъ докончаніи *боярина своего околничего (околничева)* Григоріа Федорова сына Давыдовича (намѣстника новгородцкаго) да конюшего своего Ивана Ондрѣевича Челяднина, да околничего (соколничего) Михаила (Стеѳановича) Кляпика, да діака Микиту Губу Моклокова“ П. С. Р. Л. VIII, 250, Никон. VI, 184—185. Старшій въ этомъ посольствѣ, Гр. Ѳед. Давыдовъ (Морозовъ: см. *Соловьева* V, 292), сказанъ въ бояре, изъ окольничихъ Іоанна III, въ годъ восшествія Василія Іоанновича на престолъ. Повидимому, здѣсь выраженіе *боярин-окольничій* означаетъ окольнаго, ближняго боярина. Иначе объясняетъ это лѣтописное показаніе проф. Сергѣевичъ, Р. Ю. Д. I, 389.—Что касается до чтенія *соколничего*, то оно могло произойти благодаря тому, что составитель Никоновскаго свода принялъ нерѣдко-встрѣчающееся въ рукописи ѡ. въ словѣ ѡколничи, за слогъ *со*. Такую ошибку легко сдѣлать.—Соединеніе, въ указанномъ нами смыслѣ, окольничества съ боярствомъ употреблялось, повидимому, въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ цѣлью придать главѣ посольства больше значенія. Для этого, какъ видно изъ нашего примѣра, *считали недостаточнымъ одного боярскаго чина*; съ тою же цѣлью главный посолъ 7017 г. могъ быть названъ и новгородскимъ намѣстникомъ: подобныя титулярныя намѣстничества были, какъ извѣстно, и впослѣдствіи обыкновенными отличіями московскихъ пословъ и лицъ, назначаемыхъ быть въ отвѣтѣ съ иностранными послами. Иногда для того, чтобы придать посламъ больше вѣса и значенія, званіе боярина-окольничаго давалось въ XVI в. и тѣмъ, кто не имѣлъ ни боярскаго, ни окольничаго чина. Такъ названъ въ 7016 году Ив. Гр. Поплевинъ-Морозовъ, посланный къ Магометъ-Аминю Казанскому. Поплевинъ Морозовъ сказанъ въ окольничіе лишь въ 7018, а въ бояре - въ 7039 г. Или—съ такимъ же званіемъ боярина-окольничаго былъ посланъ въ 7011 г. къ королю Александру Петръ Мих. Плещеевъ, хотя, по Шереметевскому списку, онъ былъ только окольничимъ и не дожилъ до боярства. Впрочемъ, въ одномъ спискѣ чиновъ великокняженія Іоанна III—П. М. Плещеевъ числится въ боярахъ. См. такъ-назыв. *Боярскую Книгу* Арх. Ин. Дѣлъ, № 115/162, л. 1.

Однако же, отъ XIV вѣка дошло указаніе на то, что окольничіе, бывшіе въ то время еще боярами, т. е. *бояре-окольничіе*, уступаютъ первое мѣсто просто боярамъ, занимая сами второе [24]).

Итакъ, бояре-окольничіе какъ бы честнѣе просто-бояръ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они—на второмъ, а бояре—на первомъ мѣстѣ княжеской службы. Въ данномъ случаѣ разрядная близость не совпадаетъ съ неслужилой, внутренней. По существу окольничіе ближе къ князю, а по разряду—дальше отъ него.

Здѣсь, очевидно, мы выходимъ изъ области государевой служилой жизни и вступаемъ въ область отношеній неслужилыхъ, которыя, обратясь впослѣдствіи въ служилыя, внесли, однакоже, въ службу свои, старыя преданія. Эта старина со временемъ исчезла, она не могла не исчезнуть, хотя и осталась въ терминахъ, утратившихъ свой старый, существенный смыслъ.

Мы вступаемъ въ область княжеско-дружиннаго побратимства. Здѣсь, а не въ московскихъ разрядахъ, исходная точка для объясненія окольничества, которое нѣкогда было высшимъ боярствомъ, а потомъ стало чиномъ ниже простого боярства.

Бояре-совѣтники составляли, какъ извѣстно, высшій разрядъ княжеской дружины кіевскаго времени. Это наиболѣе близкіе побра-

---

[24]) См перечень бояръ-совѣтниковъ въ жалованной грамотѣ Олега Рязанскаго Ольгову монастырю (полов. XIV в.), А. И. I. № 2. *Сб. Муханова*, № 116: здѣсь сначала поставлены четыре имени безъ особыхъ прозваній; за ними — *Манасья-дядька, Юрьи-окольничии, Юрьи чашьникъ*, а потомъ еще два имени безъ особыхъ прозваній. Подобные перечни именъ не были случайнымъ ихъ подборомъ, — въ этомъ убѣждаютъ насъ, напр., лѣтописные перечни князей или разрядные перечни въ записяхъ о царскихъ столахъ, служилыхъ назначеніяхъ. Имена слѣдуютъ одно за другимъ по старшинству. Случайный наборъ именъ—признакъ чернового, еще несоставленнаго перечня, какими, напр., являются перечни такъ-наз. *Боярской Книги* Арх. Ин. Дѣлъ (указанной въ 23 прим.). Ср. предисловіе Калачова къ списку чиновъ XVI в. въ Арх. историко юрид. свѣд., II, Отд. 2, стр. 123 и слѣд. Такимъ образомъ. Юрій—окольничій рязанской грамоты 1) бояринъ, слѣд. *бояринъ-окольничій*, 2) этотъ рязанскій бояринъ-окольничій былъ ниже тѣхъ простыхъ бояръ, имена которыхъ поставлены въ началѣ перечня. Эти послѣдніе были выше даже *дядьки*, т.е. *кормильца*. Ср. мои *Изслѣд. о Р. Правдѣ*, II, 182 и сл.

Подобный перечень—въ подписяхъ подъ договорной грамотой вел. кн. Симеона Іоанновича съ братьями 1341 г., гдѣ находится къ концу: „*Онанья окольнич.*“ Рум. Собр. I, № 23. Но, вслѣдствіе дефектовъ, трудно сказать что-либо опредѣленное о словѣ *окольнич.* въ этихъ подписяхъ. Значитъ-ли оно *окольничій* или *окольничіе*? Если принять первое чтеніе. то получится большое сходство этихъ подписей съ рязанскимъ перечнемъ; даже и здѣсь и тамъ—по одному окольничему. Чѣмъ объяснить это, не знаемъ. То же повторилось и въ концѣ великокняженія Василія Темпаго.— Если же принять второе чтеніе, то окажется, что всѣ эти бояре Симеона были *бояре-окольничіе*, кромѣ одного послѣдняго, который ниже остальныхъ — подобно *Семену Никитичу съ братьею* и *Павлу Соробичу* рязанской грамоты.

тины князя. Эпическимъ выраженіемъ такой, бо́льшей близости къ князю служатъ тѣ *окольныя скамьи*, на которыхъ, по былинамъ, сидятъ бояре-думцы, мужи совѣта [25]). Пустуютъ окольныя скамьи—князь беззащитенъ.

Повидимому, эта мысль выражена въ одномъ пересказѣ былины о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Покорителю Казани вынесли, достали порфиру покореннаго царя *изъ-за столичковъ окольныхъ*: эти *столички* являются какъ бы главнымъ оплотомъ царской власти. Для того, кто знакомъ съ нашими лѣтописями, ясно сродство этого эпическаго образа съ лѣтописными, показаніями о значеніи *старшей* дружины вообще и дружинныхъ думцевъ въ частности [26]).

Пока дружина не сжилась съ земскимъ міромъ, вліяніе окольныхъ бояръ на князя было весьма сильно. Иначе и быть не могло. Кому же какъ не опытному, старому богатырю вѣрнѣе судить о богатырскихъ предпріятіяхъ и подвигахъ; кто какъ не онъ могъ быть вѣрнымъ хранителемъ военно-дружиннаго обычая; кому какъ не этому боярину-совѣтнику было доступнѣе и ближайшее знакомство съ княжескимъ родомъ, его бытомъ и отношеніями.

---

25) Въ московское время слово *бояре*, въ сношеніяхъ съ иностранцами, иногда замѣнялось словомъ *совѣтники*. Соловьевъ, И. Р. V, 378.

26) Слово *околица* означало округъ, т.-е. земли, которыя сосредоточиваются *около* извѣстнаго правительственнаго центра, а также—земли, входящія въ составъ одного владѣнія, какъ хозяйственной единицы, или совладѣнія. Въ Псковскихъ лѣтописяхъ подъ 1481 г. словомъ *околници*, окольники, обозначены жители псковскихъ волостей, псковской *околицы*. Князья Андрей и Борисъ Васильевичи покинули Псковъ „и почяша по волости грабити *(и пѣшіе сташа на Мелотовѣ и распустиша по всѣмъ волостемъ люди своя)*, и князь псковской Василей съ посадники псковскими и со псковичи *(много бивше челомъ)* послаша *(даша)* имъ 200 рублевъ, а *околницы (околици)* 15 рублевъ“.—Въ смыслѣ частнаго земледѣнія: „что есми изъ старины дали прадѣды наши, великіе князи, *двѣ околицы*, пять погостовъ... и съ озеры и съ перевѣсищи“; „а за честь Ананьи Тимошевича... и Григорью Давидовичю за его честь (далъ в. князь) *околицу бортную* за Глѣбовскимъ лѣсомъ, на рѣчкѣ на Тынордѣ, помѣсную и бортную землю и з бортники, деревню Первичи съ угодьи и со крестьяны да на рѣчкѣ Непложѣ деревня Тодакова со крестьяны и съ земомъ, и съ угодьи. А хто к нимъ людей и кресльянъ придетъ къ ихъ селы *и околицы, и деревни* жить за нихъ изъ иныхъ княженій... и тѣмъ людемъ пришлымъ, по данью великого князя, не надобе его, великого князя, дань и тягость никоторая на десять лѣтъ, а волостели великого князя къ нимъ *въ околицу* не въѣждаютъ и крестьянъ ихъ не засмлютъ... а поличное *изъ нихъ изъ околицы* къ волостелю великого князя нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца *въ ихъ околицы* промежъ людей ихъ и крестьянъ, ино не вступитъ, — вѣдаютъ то ихъ властели“; „а... вина и поличноя къ волостелю моему *отъ нихъ изъ околицы* нейдетъ, ни татинъ рубль, што учинитца татьба *въ ихъ околицы* промежъ ихъ которог(о) людей“. Акты XIII—XVII в., изданные Юшковымъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1898 г., II, № 8, 12.

Въ понятіи *околицы* мы видимъ, такимъ образомъ, начало тѣсной связи правительственной или частноправовой, начало близости.

Припомнимъ, что Гербершгейнъ называетъ окольничаго *околникомъ*.

Но княжеская дружина должна была слиться съ землею, она не могла удержаться особнякомъ отъ земли, ибо только въ этомъ союзѣ дружинѣ предстояло будущее государственнаго бытія. Богатырь - воинъ, богатырь - стратегъ долженъ былъ стать земскимъ богатыремъ, и—онъ сталъ имъ. Онъ сталъ представителемъ и проводникомъ земскихъ нуждъ, сталъ земскимъ мужемъ, и при его содѣйствіи князь утверждается во главѣ земли.

Прежнее значеніе окольныхъ бояръ, повидимому, не должно было измѣниться. Но—силою вещей—князь, ставшій во главѣ земли, обращается въ монарха, государя, а вся земля—въ подданныхъ. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста побратимству, и окольные бояре нисходятъ въ разрядъ ближайшихъ *слугъ* самодержца.

Князь, ставшій во главѣ земли, великій князь московскій, *собираетъ* землю; образуется единое государство. Для этого князь долженъ былъ, между прочимъ, привлекать къ себѣ инокняжскихъ бояръ, давая имъ у себя почетное и выгодное положеніе. Князья присоединяемыхъ областей также должны были войти въ передовую служилую дружину московскаго государя.

Все это, вмѣстѣ взятое, должно было неблагопріятно отразиться на судьбѣ старыхъ окольныхъ бояръ и, низведя ихъ на служилую степень, уничтожить и въ этомъ смыслѣ прежнее ихъ значеніе, значеніе преимущественной приближенности къ князю-государю.

Такая перемѣна произошла, конечно, невдругъ. Первые князья-собиратели еще вѣрны старо-дружиннымъ отношеніямъ и передаютъ ихъ своимъ преемникамъ, какъ неизмѣнный завѣтъ [27]). А позднѣйшая былина еще по старому отзывается на недовольство новыми порядками царскаго двора.

Былина о царѣ Иванѣ Васильевичѣ проводитъ рѣзкую грань между *старыми друзьями, свояками* царя и его новыми приближенными. Эти новые приближенные, по былинѣ, *палачи немилосливые, Годуновы-измѣнники*. Они хотятъ сгубить царевича за то, что царевичъ щадитъ землю, они возстановляютъ царя противъ *стараго* боярина Никиты Романовича, который спасаетъ царевича изъ рукъ

---

[27]) См. духовную в. князя Симеона Іоанновича: „..слушали бы есте отца нашего, Владыки Олексѣя, также *старыхъ* бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ“ Рум. Собр., I, № 24. Димитрій Донской приказываетъ своимъ дѣтямъ, передъ смертью: „боары своя любите, честь имъ достойную въздавайте, противу служеній ихъ, *безъ воля ихъ ничтоже не творите*“. П. С. Р. Л. VIII, 56.

Малюты. Боярин Никита царю—*свой*, но и его затерли, оттѣснили отъ царя; онъ живетъ въ отдаленіи и только черезъ сестру-царицу узнаетъ о дворцовыхъ ужасахъ.

Народная мысль не можетъ, однако, успокоиться на этомъ противоположеніи стараго и новаго, добраго и злого; ей необходимо торжество правды, и—бояринъ Никита, по былинѣ, снова оцѣненъ царемъ, снова призванъ имъ въ самую тѣсную близость такими знаменательными словами:

„Князь Никита Романовичъ! Прежде ты мнѣ былъ *старый другъ*,
А теперь—роденъ батюшка".

Предпочтеніе новыхъ естественно должно было вызвать не только недовольство, но и отпоръ со стороны *старыхъ*, испытанныхъ *друзей* князя-государя. Припомнимъ поступокъ боярина Акинфа. Но со временемъ противодѣйствіе стихаетъ. Пріѣздъ къ московскому двору усиливается,—удѣлъ слабѣетъ и не можетъ дать служилому человѣку и доли прежнихъ выгодъ, и тѣни того положенія, которое пріобрѣтается только въ Москвѣ. Съ другой стороны, отъѣздъ изъ Москвы дѣлается все болѣе затруднительнымъ; съ усиленіемъ московскаго государя отъѣзжать отъ него стало опасно: отъѣхавшему, быть можетъ, придется возвратиться и тогда—въ лучшемъ случаѣ—много потерять по службѣ[28]).

Въ концѣ-концовъ—старое окольное боярство смиряется передъ княжескою силой и разъ-навсегда становится на вторую степень приближенности. Въ этомъ положеніи окольные, думаемъ, и получаютъ названіе окольничихъ, ставшее со временемъ названіемъ второго, послѣ боярства, чина на государевой службѣ. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе окольничества-чина.

Выше было сказано, что только этотъ думный чинъ и считался въ Москвѣ *прямымъ* окольничествомъ, и что первоначальный смыслъ послѣдняго, какъ окольнаго боярства, въ XVII вѣкѣ уже утрачивается.

---

28) „.. а прежнее государево уложенье: которые бывали въ удѣлѣхъ и отъѣзжали, и тѣ у себя и у своего роду теряли многія мѣста". *Разрядныя Книги*, I, 672.

Отъ половины названнаго столѣтія сохранились слѣдующія два мѣстническія дѣла. Въ весенній Угрѣшскій походъ 1625 года *вмѣсто окольничихъ* были назначены дворяне кн. Петръ Иван. Рыбинъ-Пронской и Сем. Иван. Чемодановъ. Первый изъ нихъ не принялъ назначенія потому, что «*Пронскіе и въ прямыхъ окольничихъ не бывали*».

Ослушника посадили *за пристава*, но вскорѣ выпустили по печалованію патріарха Филарета. Тѣмъ взысканіе и ограничилось[29]).

Другое мѣстническое дѣло. Въ Пасху 1651 года пожалованъ въ окольничіе дворянинъ Петръ Петр. Головинъ, но пожалованія не принялъ потому, что *въ окольничихъ въ его пору нѣтъ*, а отецъ его при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ въ боярахъ. Головинъ посаженъ за это въ тюрьму, откуда, впрочемъ, скоро былъ освобожденъ. При освобожденіи изъ тюрьмы Головину была сказка, что онъ довелся было торговой казни и ссылки въ Сибирь, государь же замѣнилъ это наказаніе тѣмъ, что велѣлъ написать Головина, по прежнему, въ московскій списокъ, т.-е. оставить его московскимъ дворяниномъ, безъ выслуги: «*и ни въ какой чести ему у государя не бывать*».

Головинъ наказанъ суровѣе Пронскаго, ибо послѣдній былъ правъ въ своемъ притязаніи: кн. Пронскіе — изъ числа тѣхъ родовъ, которые прямо сказываются въ бояре, *а въ окольничихъ не бываютъ*. Пронскій наказанъ только за ослушаніе. Указаніе же Головина *на родителей* совершенно неправильно. Въ словахъ Головина только то—правда, что отецъ его былъ бояриномъ, но Головины не принадлежали къ числу родовъ, достигавшихъ боярства помимо окольничества[30]).

---

[29]) Кн. Пронскій сидѣлъ за приставомъ съ 7 по 20 мая и былъ, по патріаршему ходатайству, освобожденъ „на празднество Алексѣя чюдотворца Московскаго и всеа Русіи“. Д. Р. I, 650.

[30]) Слова Головина, „*что въ окольничихъ въ его пору нѣтъ*“ имѣютъ тотъ же смыслъ, какъ и слова Пронского, что *его родители „и въ прямыхъ окольничихъ не бывали“*. Въ сказкѣ Головину, при освобожденіи его изъ тюрьмы, объявлено: „... и ты де государи прогнѣвилъ, сказалъ, *что де ваши родители въ окольничьихъ не бывали*“.

Пасха 1651 года была 30 марта, а Головинъ выпущенъ изъ тюрьмы 1 апрѣля, въ день именинъ царицы Маріи Ильиничны.

Впослѣдствіи Головинъ былъ возстановленъ въ служебныхъ правахъ. Въ іюлѣ 1652 г., въ память перенесенія мощей св. Филиппа Митрополита, онъ былъ пожалованъ въ окольничіе, хотя и съ новымъ выговоромъ за прежнее упорство. Д. Р. III, 226—228, 322.

Отецъ Головина былъ бояриномъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (ibid., I, 222), но старшій его дядя, Иванъ Большой Петровичъ Головинъ, былъ окольничимъ до и въ годъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича. *Шерем. сп.* Да Головины и не принадлежали къ родамъ, минующимъ окольничество. *Котошихинъ.* Ср. *Сергѣевича* Р. Ю. Д. I, 392.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что считалось *прямымъ* окольничествомъ въ отличіе отъ окольничества - должности. Само правительство раздѣляло этотъ взглядъ служилаго класса, считая, при томъ, *прямое* окольничество однимъ изъ почетнѣйшихъ пожалованій и признавая неправильный отказъ отъ него тяжкимъ преступленіемъ.

Должностная связь *прямого* окольничества, какъ такового, съ порученіями, которыя требуютъ особаго государева довѣрія, неминуемо должна была исчезнуть. Эта связь унаслѣдована московскими окольничими отъ старыхъ *окольныхъ* бояръ, съ которыми московскіе, *прямые* окольничіи были сходны только по имени. Окольничество въ Москвѣ утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ до того, что мы, отдаленные потомки дружинной Руси, можемъ лишь съ трудомъ догадываться о значеніи этого званія до времени владычества Москвы, гдѣ окольничество переродилось въ думный чинъ, приказное судейство и подчиненное боярамъ полковое воеводство.

Пріѣзжіе бояре и подданные князья, безъ сомнѣнія, охотно принимались, *вводились* въ княжескую служилую дружину и дѣлались приближенными слугами. Должно думать, что въ этомъ *введеніи*, принятіе чужихъ на почетныя мѣста въ окольной службѣ и кроется происхожденіе *введенныхъ бояръ* [31]). Понятіе о введенномъ боярствѣ могло возникнуть именно въ ту пору московскаго собиранія, когда старую окольную дружину стали оттѣснять на второе мѣсто [32]). Со временемъ пріѣзжіе, нѣкогда *новые друзья*, сами дѣлаются старыми испытанными слугами; они даже стараются позабыть о выѣздѣ своихъ предковъ и всякое напоминаніе о быломъ иноземчествѣ считаютъ безчестнымъ себѣ и своему роду. Князья Трубецкіе жалуются государю на боярина Шереметева, который обезчестилъ ихъ такимъ напоминаніемъ, и Шереметевъ долженъ былъ уплатить значительную пеню за обиду [33]). Такимъ образомъ, *введенность*, въ концѣ концовъ,

---

31) „*Въвести, въведу*= introducere....; поставить, назначить на какую-либо должность“ *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ, 326.

32) Ср. проф. *В. О. Ключевскаго*, Боярск. Дума, I издан., 244 и сл.

33) Дополн. къ III т. Дв. Разр., 383—384.— Кн. Трубецкіе выѣхали изъ Литвы въ XIV вѣкѣ при Димитріи Донскомъ. Предокъ Шереметевыхъ былъ знаменитымъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
523797.

также должна была измѣнить свой первоначальный смыслъ. Это мы и узнаемъ изъ памятниковъ московскаго времени.

II.

Оттѣсненная пришельцами, старая *околица* отодвинулась на второе мѣсто. Потомки князей нѣкогда самостоятельныхъ, выходцы изъ *Нѣмецъ*, Литвы, Кавказа и Орды [34]) тѣснымъ кольцомъ окружили московскаго самодержца. Это и есть *введенное* боярство. Менѣе родословные потомки княжескихъ родовъ и потомки лицъ, *потерявшихъ* на московской службѣ, не попали, однако, въ ряды этой особо приближенной знати и—на ряду съ прежними окольными—заняли второе мѣсто [35]).

Когда и боярство, и окольничество стали чинами, то второстепенный чинъ для знатныхъ сталъ переходною ступенью къ высшему, первому. Болѣе родословные и непотерявшіе по службѣ сказы-

---

бояриномъ уже при Симеонѣ Гордомъ, а время его выѣзда теряется въ неопредѣленномъ преданіи. См. Родосл. во Временникѣ Общ. Ист. и Древн., X, 82, 86 и др. *кн. Долгорукова* Род. Кн. I, 327 и сл., III, 494 и сл., *Барсукова* Родъ Шереметевыхъ I, 15 и сл.

[34]) Первые изъ перечисленныхъ членовъ новой *околицы*—русскіе князья, вторые, выходцы изъ *Нѣмецъ*,—родоначальники Шереметевыхъ, Морозовыхъ, Салтыковыхъ. Они становятся княжескими *любовниками*, какъ Семенъ Ѳедоровичъ Морозовъ, вліятельныя бояринъ Юрія Галицкаго, и несутъ на себѣ отвѣтственность за поступки князей. Наконецъ, Гедиминовичи, Ольгердовичи, выѣхавшіе въ XIV вѣкѣ *на имя* Московскаго князя и много потрудившіеся въ борьбѣ Москвы съ Ордою, и потомки восточныхъ владѣтелей, каковы князья Черкасскіе, Урусовы.

[35]) Какъ на примѣръ менѣе родословной знати можно указать на князей Долгоруковыхъ и Репниныхъ сравнительно съ Одоевскими. Всѣ эти роды пошли отъ св. Михаила Черниговскаго. Одоевскіе — отъ третьяго сына Михаилова, Семена Глуховскаго, а Долгоруковы и Репнины — отъ четвертаго, Юрія Тарусскаго; при этомъ родоначальникъ Одоевскихъ, кн. Семенъ Юрьевичъ,—четвертый сынъ третьяго правнука св. Михаила; родоначальникъ Долгоруковыхъ, кн. Иванъ Андреевичъ,—старшій въ 6 степени, а родоначальникъ Репниныхъ, кн Иванъ Михайловичъ Репня,—четвертый въ 7 степ. отъ св. Михаила. При помощи родословца нетрудно убѣдиться, что Иванъ Репня былъ немного ниже Ивана Долгорукаго, хотя и происходилъ отъ старшаго, а Долгорукой — отъ младшаго поколѣнія кн. Константина Ивановича Оболенскаго. Итакъ, Долгоруковы выше Репниныхъ, но въ разрядахъ Репнины старше Долгоруковыхъ (Котошихинъ, 19, ср. *Сергѣевича* ук. соч. I, 367 и сл.). Несомнѣнно, здѣсь была какая-то *потерка* по службѣ.—Еще рѣзче разница, родословца и разряда въ отношеніяхъ къ тремъ упомянутымъ родамъ рода кн. Барятинскихъ. Барятинскіе по родословцу—выше Одоевскихъ: ихъ родоначальникъ, кн. Александръ Андреевичъ Барятинскій,—старшій въ семьѣ правнука Михаилова, хотя и въ младшемъ поколѣніи (Юрія Тарусскаго). Между тѣмъ, въ разрядахъ Барятинскіе ниже Репниныхъ (ibid.) Здѣсь ясны и причины служилой *потерки*. Барятинскіе служили Юрію Галицкому, бѣгали въ Литву, а потому, на основаніи общаго *уложенія* (см. прим. 28), должны были потерять по службѣ.

ваются прямо въ бояре — какъ бы по преданію отъ предковъ; всѣ другіе въ чинопроизводствѣ обыкновенно не миновали окольничества [36]): и вотъ передъ намъ два разряда служилой знати, по Котошихину, списки котораго значительно дополнилъ профессоръ Сергѣевичъ.

Судьба пришельцевъ, составившихъ новую московскую *околицу*, извѣстна намъ главнымъ образомъ изъ позднѣйшихъ источниковъ. Эти источники относятся къ тому времени, когда терминъ *введенный бояринъ* употребляется уже въ позднѣйшемъ, переносномъ смыслѣ [37]).

Но до насъ дошли показанія о введенномъ боярствѣ и въ прямомъ смыслѣ. Древнѣйшее изъ этихъ показаній связано съ именемъ родоначальника Кикиныхъ, боярина Логгина Михайловича. Логгинъ Кикинъ выѣхалъ изъ Польши къ велик. кн. Димитрію Донскому. Въ Польшѣ, у Ягеллы, онъ былъ *паномъ раднымъ и держалъ Брянскъ безъ отнимки, а Смоленскъ — въ жалованьи*. У Донского Логгинъ былъ *бояринъ введенной и горододержавецъ: держалъ городы Волокъ и Торжокъ безъ отнимки*. Все это мы узнаемъ изъ Кикинской родословной, изданной въ *Симбирскомъ Сборникѣ*.

Повидимому, Логгинъ Кикинъ перешелъ въ московскую службу на условіяхъ болѣе выгодныхъ сравнительно съ службою у короля: можно думать, что *держаніе* двухъ городовъ *безъ отнимки* выгоднѣе, чѣмъ держаніе безъ отнимки только одного города, а другого — *въ жалованьи*.

Но что такое *горододержаніе?* — Несомнѣнно, горододержаніе есть не что иное какъ служилое *кормленіе* и именно областное, которое въ болѣе раннія времена могло быть и безсмѣннымъ, *безъ отнимки* [38]). Въ XIV вѣкѣ приказовъ, какъ вѣдомствъ, еще не

---

[36]) Прямое производство въ бояре, конечно, зависѣло и отъ воли государя (*Сергѣевичъ* ук. соч., 370), но это, во всякомъ случаѣ, не общее правило.

[37]) См. приведенную въ 31 примѣчаніи цитату изъ словаря Срезневскаго и ср. предисловіе къ Разрядной книгѣ *Симб. Сборника*, стр. 124 и сл.

[38]) Срочное кормленіе было въ тѣсной связи съ исполненіемъ соотвѣтствующихъ служилыхъ обязанностей. Князья, въ XIV в., договариваются между собою: „а который бояринъ поѣдетъ и съ кормленья отъ тобѣ ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленіе по исправѣ, а любо служба отслужити ему“. Безсмѣнное кормленіе, при отъѣздѣ кормленщика, легко было подвести подъ то же правило вознагражденія по расчету. Горододержаніе *безъ отнимки* не было вотчиннымъ правомъ, хотя города давались и *въ вотчину*, и это вотчинное право также называлось *держаніемъ*. См. прим. 42.

было, и областное управленіе было въ то время единственнымъ видомъ служилаго кормленія. Для бояръ это управленіе было, въ самомъ дѣлѣ, *горододержаніемъ*, т.-е. намѣстничествомъ.

Безсмѣнное намѣстничество *(безъ отнимки)* давалось, повидимому, исключительно *введеннымъ боярамъ*. Сынъ Логгина Кикина, Тимофей, введенный бояринъ Углицкаго князя Петра Дмитріевича, третьяго сына Донского, такъ же какъ и Логгинъ — держалъ безъ отнимки два города, Бѣлоозеро и Дмитровъ; сынъ и внуки Тимофея уже не называются введенными боярами,— не видать, чтобы они были безсмѣнными горододержавцами, хотя они, несомнѣнно, были крупными кормленщиками не только въ удѣлѣ, но и въ Москвѣ [39]).

Но несмѣняемость, во всякомъ случаѣ, не была постоянною принадлежностью введенныхъ бояръ, не была существенною чертою самаго понятія введеннаго боярства. Извѣстенъ примѣръ горододержанія, пожалованнаго Іоанномъ III литовскому выходцу Судимонту, который также называется введеннымъ бояриномъ. Судимонту дана была прежде половина Костромского намѣстничества, потомъ ему прибавлена и другая половина *съ правдою*, наконецъ, Судимонтъ переведенъ во Владимиръ [40]). Это, очевидно, обыкновенный намѣстникъ, повышенія и передвиженія котораго происходятъ, такъ сказать, на общемъ основаніи. Подобный примѣръ былъ и раньше, почти двумя столѣтіями. Ордынскій царевичъ Беркай, пришедшій къ Калитѣ въ 1301 г., получилъ Бѣлоозеро «*подъ Микулой Воронцовымъ*» [41]) и, сверхъ того, ему была придана гостиная пошлина [42]).

---

[39]) *Симб. Сборн.* родъ Кикиныхъ, 3. Впослѣдствіи родъ Кикиныхъ захудалъ. Въ XVI в. Кикины служили въ городовыхъ дворянахъ сначала по Вязьмѣ, а потомъ въ Рязани по выбору. Рязанскими дворянами они остаются и въ первой половинѣ XVII в.; затѣмъ служатъ въ стряпчихъ и стольникахъ. См. указ. родословную, Алфав., 181 и ср. *Лихачева* Разрядн. дьяки, 156.

[40]) А. И., I, № 110.

[41]) И. Судимонту былъ данъ Владимиръ *подъ княземъ Даніилой Дмитрієвичемъ Холмскимъ*.—Кн. Данило Дм. Холмскій — сынъ кн. Дмитрія Юрьевича Холмскаго, правнука великаго князя Александра Михайловича Тверскаго.

[42]) *Никон.*, VII, 314. Не всѣмъ выѣзжимъ давалось намѣстничество. Кн. Ѳедоръ Иван. Бѣльскій (потомокъ Ольгерда) получивъ городъ Демонъ и Морсву *со многими волостьми* — въ вотчину. П. С. Р. Л., VIII, 213 и сл. Впослѣдствіи Бѣльскому — вмѣсто этой вотчины—данъ городъ Лухъ къ волостьми; гор. Демонъ, по духовной грамотѣ Іоанна III, отданъ вел. кн. Василію Іоанновичу. Право Бѣльскаго и его дѣтей ограничено отъѣздомъ: „...а ту свою вотчину дръжатъ по тому, какъ было при мнѣ (в. кн. Іоаннѣ III), а отъѣдетъ князь Ѳедоръ или его дѣти отъ сына моего, отъ Василья, къ моимъ дѣтямъ къ меншимъ или къ къ кому нибуди,—и та его вотчина, Лухъ съ тѣми волостьми, сыну моему, Василью". Рум. Собр., I, № 144.

Иныя времена и различныя качества выѣзжихъ слугъ: различны и выгоды, предоставляемыя послѣднимъ. Эти выгоды были лишь средствами поощренія выѣздовъ и жаловались московскими государями по мѣрѣ необходимости и пользы.

Понятіе введенности первоначально не находилось въ прямой связи ни съ размѣрами пожалованья введенному слугѣ, ни съ должностью, какъ таковою. Слово *введенный* въ этомъ смыслѣ означаетъ только принятіе, вступленіе [43]). Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у короля *паномъ раднымъ*, съ тѣмъ же значеніемъ, съ саномъ боярина, онъ перешелъ и въ Москву, но по отношенію къ Московской службѣ онъ былъ вновь-принятымъ, — это *принятіе* и выражается, какъ позднѣе относительно Судимонта, словомъ *введенный*. Та же черта вступленія, принятія — и въ службѣ Тимофея Кикина. Онъ могъ выѣхать въ Угличъ независимо отъ выѣзда своего отца къ Донскому, могъ и отъѣхать отъ великаго князя Василія Дмитріевича.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи были сынъ и внуки Тимофея Логгиновича Кикина. Никто изъ нихъ не называется *введеннымъ*, ибо никто изъ нихъ не былъ вступившимъ, принятымъ на службу. Сынъ Тимофея, Иванъ, находился въ Дмитровѣ, безсмѣнномъ кормленіи отца, въ то время, когда Дмитровъ достался кн. Юрію Васильевичу, — онъ только не отъѣхалъ отъ Юрія. По смерти Юрія Васильевича, въ 1472 г., Дмитровъ, какъ и весь удѣлъ умершаго князя, перешелъ къ Іоанну III; съ нимъ вмѣстѣ перешли къ Іоанну сыновья Ивана Кикина. Они не отъѣхали отъ новаго владѣльца, быть можетъ, привлеченные тѣми *честями и кормленіями великими*, какія предложилъ

Сравнивая *держаніе* Луха Бѣльскимъ и *его дѣтьми* съ *держаніемъ* разныхъ городовъ Кикиными, не можемъ не замѣтить существеннаго различія въ этихъ *горододержаніяхъ*. — *Горододержаніе*, или *горододержавство*, понималось, повидимому, какъ областное управленіе и въ XVII в. Въ отпискѣ въ Разрядъ изъ Сѣвска, въ 145 г., воевода Яковъ Толочановъ доноситъ, что сѣвскіе стрѣльцы назначаются, между прочимъ, въ пристава „на гостинѣ дворѣ у литовскихъ людей, которые пріѣзжаютъ для торговли *и отъ литовскихъ горододержавцовъ съ листама о управныхъ дѣлѣхъ*“. Зап. кн. Моск. стола 145 г. Р. И. Б., X, 28. — Повидимому, также въ вотчину былъ пожалованъ, въ 1469 г., Серпейскъ бояр. Як. Гавр. Рюмѣ-Бестужеву „за многія его службы и за выѣздъ отца его, Гавріила Беста“ *Юшковскій сборн.*, № 28.

43) Ср. *Ключевскаго* Б. Дума, по 1 изд., 130 и сл.

имъ Іоаннъ и на какія они не могли разсчитывать нигдѣ, кромѣ Москвы. Во всякомъ случаѣ и сыновья Ивана Кикина были не введенными, а — старослужилыми по Дмитрову. Какъ нѣкогда Юрій засталъ въ Дмитровѣ отца, такъ, впослѣдствіи, Іоаннъ застаетъ тамъ и сыновей [44]).

Право свободнаго отъѣзда, безъ сомнѣнія, значительно пополняло число введенныхъ бояръ, особливо въ службѣ Московскаго великаго князя. Эти введенные бояре не порывали совсѣмъ своихъ старыхъ служилыхъ отношеній: во владѣніяхъ оставленныхъ князей были вотчины отъѣхавшихъ, и, такимъ образомъ, отъѣхавшіе *жили* въ однихъ, а *служили* въ другихъ княжествахъ. Этихъ введенныхъ бояръ мы назовемъ *иноживущими*. О нихъ то и имѣются важныя, хотя и немногочисленныя, свѣдѣнія въ междукняжескихъ договорныхъ грамотахъ [45]).

Въ этихъ грамотахъ къ нашему вопросу относятся постановленія о *городной осадѣ* и, въ нѣкоторыхъ договорахъ, о *походахъ* (военныхъ).

Городная осада, т.-е. участіе въ защитѣ городовъ на случай осады ихъ непріятелемъ, по междукняжескимъ договорамъ, есть повинность служилыхъ людей *по жительству*, а не по мѣсту *службы*.

---

[44]) См. *Соловьева*, IV, 117, V, 57 и сл.

[45]) Лѣтописи не употребляютъ выраженія *введенный бояринъ*. Это объясняется, повидимому, позднѣйшимъ составомъ тѣхъ лѣтописныхъ сводовъ, гдѣ находятся подробныя повѣствованія о событіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ лѣтописяхъ находимъ показанія о введенныхъ боярахъ. Таковы показанія о тверичахъ Бороздиныхъ, которые со многими тверскими служилыми людьми выѣхали въ 1476 г. къ в. кн. Іоанну III. П. С. Р. Л., VIII, 182—183. Само собою понятно, что выѣздъ въ Москву при Іоаннѣ III вообще не велъ уже къ тѣмъ чрезвычайнымъ и быстрымъ отличіямъ, какъ прежде. Выѣзды въ сильное, могущественное Московское государство стали въ это время обычнымъ явленіемъ. Но выдающихся выѣзжихъ государь и теперь жалуетъ сразу или вскорѣ по выѣздѣ и, притомъ — повидимому — прямо въ бояре. Старшій Бороздинъ, Григорій Никитичъ, пожалованъ боярствомъ въ самый годъ своего выѣзда, а младшій, Иванъ Жито, черезъ два года,—вѣроятно за отличіе въ новгородской войнѣ. Московская введенность Бороздиныхъ ясно отмѣчается въ лѣтописяхъ. Бороздины называются *тверичами* въ отличіе отъ другихъ московскихъ бояръ: „...да тою же дорогою велѣлъ (в. князь) ити бояромъ своимъ и тверичемъ, Григорью и Ивану Никитичамъ“ ib., 185. То же названіе Бороздиныхъ тверичами перешло и въ родословныя книги. Но тамъ, гдѣ надо было отличить Бороздиныхъ отъ тверичей, не только *живущихъ*, но и *служащихъ* въ Твери, имъ не придается это названіе,— они называются только *своими*. Въ записи о полковомъ разрядѣ 1478 года сказано, что государь велѣлъ быть въ правой рукѣ кн. Андрею Васильевичу Большому, „а у него велѣлъ быти тверскому воеводѣ Михаилу Федоровичю Микулинскому съ тверичи да своимъ воеводамъ, Григорью да Ивану Житу Никитичемъ“. ib., 187.

Въ грамотахъ обыкновенно постановляется: «*а городная осада—гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сѣсти*».

Изъ этого общаго правила исключаются, между прочимъ, введенные бояре: такимъ образомъ и здѣсь *введенность* принимается въ смыслѣ перехода и принятія въ службу. Это вполнѣ ясно. Но—нѣкоторыя частности въ постановленіяхъ о городной осадѣ возбуждаютъ сомнѣнія и даютъ поводъ къ толкованіямъ, на нашъ взглядъ, ошибочнымъ.

Эти частности—таковы. Обыкновенно въ показаніяхъ договорныхъ грамотъ введенные бояре упоминаются вмѣстѣ съ *путниками*,—въ большинствѣ случаевъ исключеніе изъ повинности городной осады выражается такъ: «*опричь бояръ введенныхъ и путниковъ*». Въ нѣкоторыхъ грамотахъ въ этомъ случаѣ упоминаются *путные бояре* безъ упоминанія о боярахъ введенныхъ и путникахъ. Иногда изъ повинности городной осады исключаются *бояре и путники*. Наконецъ, если не ошибаемся,—въ одной грамотѣ, въ договорѣ Андрея Васильевича Углицкаго съ в. кн. Іоанномъ III (1472 г.), въ этомъ случаѣ сказано; «*опрочь бояръ и дѣтей боярскихъ*» [46]).

Эти различія, конечно, обратили на себя вниманіе нашихъ историковъ. Но—какъ понять эти различія? Безъ сомнѣнія, во всѣхъ грамотахъ въ данномъ случаѣ говорится только о введенныхъ, иноживущихъ служилыхъ чинахъ. *Бояре*, упоминаемые здѣсь, и безъ прилагательнаго *введенный*—суть бояре введенные же, а не старослужилые. Наравнѣ съ введенными боярами, въ большинствѣ договорныхъ грамотъ, освобождаются отъ городной осады и *путники*.

Значеніе слова *путь* на языкѣ московской Руси вполнѣ выяснено въ нашей исторической литературѣ. Это во 1-хъ *право, кормленіе*, во 2-хъ—всего чаще—*угодья* вообще и въ особенности *дворцовыя угодья*, статьи дворцоваго хозяйства—въ смыслѣ управленія этими статьями и дохода съ нихъ. Отсюда ясно, что *путникъ*—во 1-хъ служилый кормленщикъ вообще и во 2-хъ, главнымъ образомъ, по преимущественному употребленію слова *путь*, управитель дворцоваго пути и владѣлецъ дохода съ этого пути: это—управленіе путемъ *на себя*.

Путники—разныхъ чиновъ: и бояре, и не-бояре. Путники-бо-

---

[46]) Рум. Собр., I, № 95.

яре, конечно, и есть *путные бояре*. Въ старѣйшемъ извѣстіи путные бояре упоминаются вмѣстѣ съ *большими*, ниже послѣднихъ; это извѣстіе, подобно статьямъ о городной осадѣ, указываетъ, что и *большіе*, и *путные* бояре суть иноживущіе, т.-е. введенные.

По тому же извѣстію иноживущіе большіе бояре владѣли *кормленіями*, что здѣсь и отличается отъ *путей*. Отсюда—большіе введенные бояре суть *горододержцы, безъ отнимки* или съ отнимкою — безразлично, а *путные* суть только державцы дворцовыхъ путей, которые, т.-е. пути, иногда входили и въ составъ горододержавства, т.-е. могли находиться въ завѣдываніи областныхъ правителей [47]).

Такимъ образомъ, если въ условіи о городной осадѣ освобождаются отъ повинности только путные бояре, то, значитъ, льгота не распространена на другихъ введенныхъ бояръ, какъ равно и на путниковъ-небояръ. Въ другихъ договорныхъ грамотахъ изъятіе изъ повинности городной осады распространяется на всѣхъ введенныхъ бояръ,— и кормленщиковъ, и путныхъ, и на путниковъ - небояръ.

---

47) Упоминаемое здѣсь извѣстіе находится въ договорной грамотѣ вел. кн. Дмитрія Донского съ Владимиромъ Серпуховскимъ 1388 г. Рум. Собр., I, № 33: „а коли ми взяти дань *на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ*, тогды ти взяти *на своихъ такъ же по кормленію и по путемъ* да дати ти мнѣ, а то опроче того урока, трехсотъ рублевъ и двадцати". Этотъ *урокъ* есть доля Владимира въ ордынскую дань, опредѣленная, по договору, въ 320 р. на 5 тысячъ общей суммы.— Нетрудно понять, что дань съ серпуховскихъ бояръ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть дань чрезвычайная и, притомъ, не со всѣхъ, а лишь съ тѣхъ, которые находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ, а именно съ московскихъ *жителей*, служащихъ въ Серпуховѣ. Эту дань собираетъ серпуховской князь для великаго — подобно тому и единовременно съ тѣмъ, какъ великій князь производитъ *такой* же сборъ съ своихъ не на себя, а на серпуховского. Другими словами,— рѣчь идетъ о введенныхъ боярахъ, *живущихъ* въ Москвѣ и Серпуховѣ.— При этомъ, вполнѣ ясно, что *большіе* бояре суть введенные кормленные, а путные — введенные путные. Кормленіе здѣсь отлично отъ пути. Но иногда кормленщикамъ давались и пути. Кикинская родословная свидѣтельствуетъ, что Ив. Тимоф. Кикинъ былъ *кормленщикомъ и путникомъ* у Юрія Дмитровскаго. Юрію было важно удержать опытнаго слугу у себя и для себя, а такъ какъ дворцовые пути бывали и въ вѣдомствѣ областныхъ правителей (*Сергѣевичъ*, указ соч. и томъ. 345), то можно было соединить въ однѣхъ рукахъ и общій областной, и дворцовый уряды.—

Та же родословная различаетъ, далѣе, *жалованье* и *кормленье въ путь*. Иванъ Кикинъ при Іоаннѣ III „*держалъ жалованья и кормленья въ путь*". Жалованье— обыкновенное намѣстничество: Логгинъ Кикинъ держалъ у короля Брянскъ *безъ отнимки*, а Смоленскъ—*въ жалованьи*. Такимъ намѣстникомъ былъ и Кикинъ при Іоаннѣ: великій князь оставилъ его на прежнемъ положеніи кормленщика-намѣстника (*жалованья*) и, вмѣстѣ, путника (*кормленья въ путь*, т.-е. отъ земель дворцоваго пути).

О путныхъ боярахъ и путникахъ см. *Ключевскаго*, Боярская Дума, и *Сергѣевича* указ. сочин. Особенно важенъ трудъ Сергѣевича—по подробному и тщательному изслѣдованію источниковъ по вопросу о путничествѣ.

Наконецъ, это изъятіе иногда еще шире и охватываетъ всѣхъ иноживущихъ бояръ и дѣтей боярскихъ — независимо отъ кормленій и путей.

Эти различія въ междукняжескихъ договорахъ, безъ сомнѣнія, были слѣдствіемъ различія обстоятельствъ, при которыхъ заключались договоры. Самымъ рѣзкимъ примѣромъ этого служатъ два договора великаго князя Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой. Одинъ изъ этихъ договоровъ заключенъ въ 1434 и подтвержденъ въ 1436 г.; другой заключенъ въ 1440 г.[48]).

Существенное различіе перваго договора отъ второго состоитъ въ одномъ условіи, неповторенномъ въ послѣднемъ. Это условіе касается участія иноживущихъ въ походахъ. Обыкновеннымъ правиломъ такого участія было: «*хто которому князю служитъ, тому съ тѣмъ ѣхати, которому служитъ*». Въ договорѣ 1434 г. это правило измѣнено въ пользу великаго князя: изъ походной повинности *по службѣ* исключены введенные бояре и путники Шемяки, между тѣмъ какъ *жильцы* послѣдняго подлежатъ общему порядку безъ различія званій[49]). Такимъ образомъ, на случай похода великокняжеское войско усиливается наиболѣе опытными изъ удѣльныхъ служащихъ, усиливается на счетъ удѣльнаго князя, съ которымъ заключенъ договоръ.

Если припомнимъ обстоятельства заключенія этого договора, то легко поймемъ причины и цѣль указаннаго неравенства. По смерти Юрія Димитріевича, въ 1434 году, Шемяка и младшій Юрьевичъ, Димитрій Красный, соединились съ великимъ княземъ противъ Василія Косого. Они сами послали за великимъ княземъ въ Нижній, пригласили его въ Москву. Василій Юрьевичъ бѣжалъ въ Ржевъ, и великій князь, вступивъ въ Москву съ младшими Юрьевичами, утвердился на престолѣ. Такимъ образомъ, Юрьевичи—въ виду общаго и, притомъ, сильнаго врага, какимъ былъ Косой—нуждались въ союзѣ съ Василіемъ Васильевичемъ, чѣмъ послѣдній, конечно, и воспользовался.

---

[48]) Рум. Собр. I, № 52 и сл.

[49]) Здѣсь междукняжескія отношенія напоминаютъ отношеніе великаго князя къ митрополиту, по тому же вопросу. См. уставную грамоту вел. кн. Василія Димитріевича и митрополита св. Кипріана 1389 г.: „а кто будетъ бояръ и слугъ не служивалъ Алексѣю Митрополиту, а приказался ново митрополиту, а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою, великого князя, — гдѣ который живетъ: инъ подъ тѣмъ воеводою и есть“. А. Э. I, № 9.

Мало того, приведенное условіе договора 1434 г. не могло, повидимому, считаться несправедливымъ и самими Юрьевичами. Хотя Косой и сталъ врагомъ братьевъ, но эта вражда могла быть лишь временная, какимъ впослѣдствіи оказался союзъ съ великимъ княземъ; между тѣмъ,— враждебныя отношенія Косого къ великому князю были безусловно прочны. Поэтому великій князь не могъ вполнѣ довѣрять новымъ союзникамъ. Обезсиливая ихъ, онъ предупреждаетъ возможность измѣны съ ихъ стороны и, вмѣстѣ, усиливаетъ свое войско противъ несомнѣннаго врага. Василію это было важнѣе, чѣмъ Юрьевичамъ, ибо послѣдніе, пока оставались вѣрными договору, не терпѣли, въ сущности, никакого ущерба отъ этого частнаго условія.

Естественное недовѣріе великаго князя къ союзникамъ или, собственно, къ Шемякѣ, выразилось вскорѣ весьма опредѣленно. Въ слѣдующемъ году, собравшись съ силами, Косой двинулся къ Москвѣ и хотя былъ разбитъ великимъ княземъ на Которосли, но продолжалъ непріязненныя дѣйствія противъ послѣдняго вплоть до своего плѣна и ослѣпленія. Во время этой отчаянной борьбы великій князь сначала держитъ Шемяку за приставомъ и въ оковахъ, а потомъ, отправляясь на послѣднюю встрѣчу съ Косымъ, освобождаетъ его, но въ походъ съ собою не беретъ. Покончивъ съ Косымъ, Василій Васильевичъ призываетъ Шемяку въ Москву и *жалуетъ* его. Повидимому, это *жалованіе* состояло главнымъ образомъ въ возстановленіи прежнихъ отношеній: договоръ 1434 года почти цѣликомъ повторенъ въ 1436 году.

Отношенія Василія Васильевича къ младшимъ Юрьевичамъ въ 1434—6 годахъ были сверху внизъ. Совсѣмъ иное было въ 1440 г. Въ этомъ году Шемяка уже въ ссорѣ съ великимъ княземъ и—двинулся на Москву. Миръ заключенъ благодаря вліянію Троицкаго игумена Зиновія, что указываетъ на починъ великаго князя. Разумѣется, прежнее отношеніе сверху внизъ не могло, при этомъ, удержаться, и—неравенство на случай походовъ, установленное раньше исчезаетъ. Съ другой стороны, такое неравенство утратило прежній смыслъ и для великаго князя: Косой сошелъ съ поприща и послѣ ослѣпленія до самой смерти бездѣйствовалъ,— можетъ быть находился все время въ плѣну.

Чтобы уяснить вліяніе обстоятельствъ, при которыхъ заключались междукняжескіе договоры, на извѣстное условіе о *городной осадѣ*,—необходимо имѣть въ виду слѣдующія положенія:

1) Сила даннаго князя находится въ прямомъ отношеніи къ переходу иноживущихъ на службу этого князя: чѣмъ сильнѣе князь, тѣмъ выгоднѣе ему служить.

2) Чѣмъ многочисленнѣе и опытнѣе служилая дружина князя, тѣмъ прочнѣе его могущество.

3) Чѣмъ усиленнѣе переходъ иноживущихъ къ данному князю, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе собирается земля подъ властью этого князя.

Извѣстно, что могущественнымъ собирателемъ Русской земли былъ Московскій великій князь. Конечно, объединительная дѣятельность Московскаго государя должна была начаться, такъ сказать, съ ближайшей округи, съ московскихъ удѣловъ, и ужъ впослѣдствіи распространиться на другія *великія* княжества. Къ этому времени, начала собиранія, и относятся тѣ междукняжескіе договоры, въ которыхъ находятся условія о городной осадѣ.

Выше было указано, что всѣ ограниченія повинности городной осады выражаются въ междукняжескихъ договорахъ, слѣдующими тремя формулами: «*опричь введенныхъ бояръ (бояръ) и путниковъ*», «*опричь путныхъ бояръ*» и «*опричь бояръ и дѣтей боярскихъ*».

Эти ограниченія вообще не встрѣчаются въ договорахъ раньше конца XIV и позднѣе конца XV вѣка.

Самымъ раннимъ ограниченіемъ было изъятіе однихъ путныхъ бояръ. Это ограниченіе мы видимъ въ договорахъ — великаго князя Василія Димитріевича съ братьями, Василія Темнаго съ болѣе сильными и опасными для него удѣльными князьями, Юріемъ Галицкимъ и Василіемъ Косымъ, и Юрія Галицкаго съ Можайскими, которые были ему нужны, какъ союзники противъ Темнаго [50]).

Въ громадномъ большинствѣ договорныхъ грамотъ временн Василія Темнаго и Іоанна III, съ 1433 и по 1486 г., находимъ условіе «*опричь введенныхъ бояръ (бояръ) и путниковъ*»: такъ что это условіе слѣдуетъ считать обыкновеннымъ ограниченіемъ осадной повинности [51]).

---

[50]) А. Э. I, № 10 (договоръ Василія Димитріевича съ Юріемъ Галицкимъ 1390 г.), 29; Рум. Собр. I. № 37, 43—44, 47, 49—50.

[51]) Рум. Собр. I, № 45, 56—60, 64, 66, 70, 71—75, 78—79, 84—85, 90—94, 97—102, 106—111, 113—114, 118, 123—126, а также см. („*опрочь бояръ и путниковъ*“) ibid. № 46, 61 и 69.

Наконецъ, въ договорѣ Андрея Углицкаго съ Іоанномъ III (1472 г.) находится, какъ мы знаемъ, условіе «*опричь бояръ и дѣтей боярскихъ*».

Сравнительно съ отцомъ, Василій Димитріевичъ княжилъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Рядомъ съ Донскимъ стоялъ знаменитый Серпуховской князь, въ договорахъ съ которымъ Димитрій, конечно, не могъ существенно измѣнять старыхъ условій; довольно было и того, что онъ въ концѣ жизни могъ впервые упомянуть о *старѣйшемъ пути* и тѣмъ подчеркнуть особыя права старшаго въ собственной семьѣ.—Хотя тотъ же Владиміръ Серпуховской былъ еще живъ при Василіи Димитріевичѣ, и новому Московскому князю приходилось считаться съ могучимъ дядею, но — между родными братьями положеніе Василія было весьма благопріятно. Въ междубратскихъ отношеніяхъ этого времени мы видимъ полное одиначество и только одну неудачную попытку сопротивленія, случившуюся уже по смерти Серпуховского и легко подавленную Московскимъ княземъ. Самъ Владиміръ Серпуховской недолго спорилъ съ племянникомъ, и уже въ 1392 году мы его видимъ воеводою великокняжеской рати, посланной въ Торжокъ [52]).

При такихъ условіяхъ Василію было немудрено сдѣлать еще шагъ по пути отца и, притомъ, шагъ значительный. Это и есть первое, еще сравнительно-малое ограниченіе осадной повинности изъятіемъ путныхъ бояръ.

Внукъ Василія Димитріевича, великій князь Іоаннъ III, воспользовался одиначествомъ съ братьями уже со всей широтой. Андрей Углицкій, вступая въ договоръ съ братомъ, относительно осадной повинности подтвердилъ, повидимому, лишь то, что было на самомъ дѣлѣ въ теченіе предшествующаго десятилѣтія, времени полнаго одиначества. Въ это время младшіе Іоанновы братья были лишь вое-

---

[52]) „Великій князь Василей Дмитріевичь въсхотѣ подписати подъ сына своего Василіа брата своего меншаго Константина; князь же Константинъ не въсхотѣ сътворити воли его, и про то отня у него отчину, онъ же иде въ Новъгородъ, и пріяша его Новгородци съ честію и подаваша ему пригороды, которые были за Лугвенемъ". Это случилось въ 1419 г.; Владиміръ Серпуховской умеръ въ 1410 г. Въ 1421 г. Константинъ снова пришелъ къ великому князю.

Въ 1392 г. великій князь *посла* съ войскомъ на Торжокъ Серпуховскаго и съ нимъ брата своего, Юрія. П. С. Р. Л., VIII, 63, 85, 90, 91 — Объ увеличеніи населенія Московскаго княжества, о преимущественномъ переходѣ дружинниковъ въ московскую службу см. *Соловьева*, IV, 125 и сл.

водами великокняжескихъ ратей на Казань, Новгородъ; въ это время, конечно, и удѣльные служилые всѣ какъ бы считались на великокняжеской службѣ. Поэтому изъятіе всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ изъ повинности городной осады, изъятіе, выгодное для обильной выходцами московской дружины, было только признаніемъ существующаго. Къ тому же, при полномъ одиначествѣ усиленіе старшаго не могло быть во вредъ младшему, который всегда могъ и долженъ былъ разсчитывать, въ случаѣ нужды, на помощь и покровительство старшаго. То же было сказано выше—по поводу договора 1434 года.

Пока длится одиначество.— усиленіе старшаго неопасно для младшихъ. Но—разъ одиначество нарушено, положеніе неизбѣжно мѣняется. По смерти Юрія Васильевича Дмитровскаго остальные братья разсорились съ Іоанномъ, изъ-за дмитровскаго наслѣдства; ссора быстро прекращена [53]). Но въ мирномъ договорѣ братьевъ относительно осадной повинности — ужъ обычное условіе «*опричь бояръ введенныхъ и путниковъ*». Такимъ образомъ, даже Іоаннъ III не могъ еще, въ это время, вполнѣ воспользоваться выгодами своего положенія и безспорнымъ перевѣсомъ своей силы.

Если великій князь Василій Дмитріевичъ могъ сдѣлать первую попытку ограниченія осадной повинности, то его предшественники и не думали ни о чемъ подобномъ: при нихъ сила Московскаго княжества не могла быть сравнительно велика. Что касается Симеона Гордаго, то онъ былъ первымъ княземъ Москвы, только что избавившейся отъ соперничества Твери. Ему надо было еще безспорно удержать за собою санъ великаго князя *всея Руси*. Братья — его естественные помощники; съ ними надо было ладить, а не ограничивать ихъ правъ безъ особой нужды. Помимо этого, и переходъ иноживущихъ въ московскую службу въ то время, быть можетъ, не былъ особенно великъ. Что касается договоровъ великокняженія Димитрія Донского, то—всѣ они заключены съ Владимиромъ Серпуховскимъ, какъ и договоръ Василія Димитріевича въ 1389 году. Объ этихъ отношеніяхъ сказано выше [54]).

---

[53]) Юрій Дмитровскій умеръ въ 1472 году. Въ лѣтописяхъ подъ 1473 или 1474 г. находимъ слѣдующее извѣстіе: „того же лѣта розгнѣвахуся братіа на великого князя, что имъ не далъ въ удѣлъ жеребья въ братнѣ въ княжъ Юрьевѣ и помири мати ихъ; князь же великій далъ князю Борису Вышегородъ, а князю Андрею Меньшему Торусу, а блъшему князю Андрею мать дала Романовъ".

[54]) Не встрѣчается условіе о городной осадѣ и въ нѣкоторыхъ междукняжескихъ договорахъ XV вѣка. Въ большинствѣ этихъ договоровъ, по самому ихъ содержа-

Такимъ образомъ, отсутствіе изъятій изъ повинности городной осады въ междукняжескихъ договорахъ до 1390 года объясняется, на нашъ взглядъ, сравнительною слабостью предшественниковъ Василія Димитріевича и отчасти его самого противъ удѣльныхъ и бо́льшимъ, чѣмъ впослѣдствіи, значеніемъ удѣльныхъ въ качествѣ помощниковъ московскаго великаго князя. Тѣми же причинами или, по крайней мѣрѣ, послѣднею изъ нихъ объясняется это и въ одномъ договорѣ XV вѣка [55]).

До конца XIV вѣка московскіе князья были еще, такъ сказать, въ началѣ своей объединительной дѣятельности: московское собираніе началось только въ тридцатыхъ годовъ [56]), а ограниченія повинности городной осады, несомнѣнно, одинъ изъ болѣе позднихъ пріемовъ собиранія. По мѣрѣ усиленія Москвы и ослабленія другихъ княжествъ, московская дружина все болѣе и болѣе пополняется иноживущими,—вмѣстѣ съ этимъ все болѣе значенія для великаго князя получаетъ условіе ограниченія осадной новинности въ возможно-широкихъ размѣрахъ. Это условіе закрѣпляетъ иноживущихъ на московской службѣ, освобождая ихъ отъ двойной обязанности, по службѣ и по жительству.

Объединенію прежде всего должны были подпасть, какъ выше сказано, московскіе удѣлы, ближайшая округа Москвы [57]). Къ тому

нію, и не должно быть этого условія, какъ и вообще условій о служилыхъ людяхъ. Таковы договоры 1447 и 1448 годовъ между кн. Иваномъ Андревичемъ Можайскимъ и Василіемъ Темнымъ—о взаимномъ забвеніи обидъ и заключеніи мира по старымъ и новымъ докончальнымъ грамотамъ. Рум. Собр I, № 63, 68. Ср. *Соловьева*, IV. 75. Изъ другого договора тѣхъ же князей между собою, въ 1448 г., видно, что изъятіе изъ осадной повинности въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ было обычное. Рум. Собр., I, № 69.— Таковы же: а) договорная *запись* 1448 года Шемяки и Ивана Андреевича Можайскаго, данная ими брату послѣдняго, Михаилу, и Василію Ярославичу Боровскому — о перемиріи и о томъ, что Шемяка и его союзникъ испросятъ себѣ миръ у великаго князя, ibid. № 67; б) договоръ Можайскихъ князей, Ивана Васильевича и Ивана Андреевича, между собою въ 1461 году—объ отношеніяхъ къ великому князю, о владѣніяхъ и доходахъ. А. Э. I, № 70.— Что касается договора 1451 года между Иваномъ Васильевичемъ Суздальскимъ и Василіемъ Темнымъ, Рум. Собр. I, № 80, 81, то по этому договору Иванъ Суздальскій передаетъ Суздаль, Нижній-Новгородъ и Городецъ великому князю и получаетъ отъ него, какъ милость, Городецъ—въ удѣлъ. Можно ли при такихъ отношеніяхъ говорить объ обязательности или необязательности мѣстной службы инослужилыхъ городецкихъ *жильцовъ* удѣльному князю?

[55]) Договоръ Суздальскихъ князей, Василья и Ѳедора Юрьевичей, съ Дмитріемъ Шемякою въ 1446 г. Рум. Собр. I, № 62. Ср. *Соловьева*, IV, 74.

[56]) *Соловьевъ*, IV, 125.

[57]) Въ договорахъ между великими князьями нѣтъ постановленій о городной осадѣ. Не во всѣхъ этихъ договорахъ встрѣчаются и условія о свободномъ переходѣ бояръ и слугъ. Не говоримъ уже про то, что этого условія нѣтъ въ договорахъ

же, великія княжества сами постепенно слабѣли и подпадали власти Московскаго князя. Послѣдніе тверскіе и рязанскіе великіе князья удерживаютъ за собою лишь званіе великихъ князей и уже не могутъ оказывать и слабаго противодѣйствія могущественному московскому государю. Сначала Москва боролась съ великими князьями. Ослабленные неравною борьбой, подавленные многолюдствомъ и силою Москвы, не будучи въ состояніи бороться съ стихійнымъ стремленіемъ народа къ Москвѣ, великіе князья въ концѣ концовъ должны были пасть передъ московскимъ государемъ. И если великій князь Василій Димитріевичъ, еще вынужденъ былъ прибѣгать къ хитрости въ борьбѣ съ Борисомъ Суздальско-Нижегородскимъ, то Іоанну III и его преемнику ничего не стоило присоединить Тверь и Рязань [58])

Не только по смерти великаго князя Василія Іоанновича, но уже и въ концѣ великокняженія Іоанна III Русская земля вся, за малыми исключеніями, собралась вокругъ Москвы и ея государя. Прежнія заботы минули. Въ частности исчезла забота о переходѣ служилыхъ людей въ Москву и объ ихъ прикрѣпленіи—тѣми или другими мѣрами — къ Москвѣ. Что же касается переходовъ изъ Москвы, то эти переходы уже считаются измѣной. Великіе князья пали; удѣльные отживаютъ свой вѣкъ. Они могутъ быть опасны лишь какъ *коромольники*, особенно при малолѣтствѣ московскаго государя; предотвращеніе возможности такой *коромолы* и составляетъ главную цѣль междукняжескихъ договоровъ XVI вѣка. Условіе о городной осадѣ потеряло прежнее значеніе: почти всѣ *живутъ* въ Москвѣ [59]).

съ Литовскимъ великимъ княземъ,—его нѣтъ въ договорѣ Бориса Александровича Тверскаго съ Василіемъ Темнымъ. А. Э- I, № 33. Борисъ Тверской колебался между Москвой и Литвой; Василію было, безъ сомнѣнія, очень важно отвлечь Бориса отъ Литвы.

58) Попытки собиранія были и въ другихъ великихъ княжествахъ. Въ договорныхъ грамотахъ рязанскихъ в. князей съ своими удѣльными встрѣчается обычное исключеніе введенныхъ бояръ и путниковъ изъ повинности городной осады. См. Рум. Собр. I, № 127—128. Но не имъ было объединять свои владѣнія въ самостоятельное государство,—Москвѣ предстояло собрать всю Русскую землю и стать во главѣ ея.

59) Духовныя грамоты Василія Темнаго и Іоанна III показываютъ, что великому князю принадлежала почти вся Россія. См. *Соловьева*, IV, 116—117, V, 173 и сл. Удѣльными *ухильцами*, по ихъ малочисленности, какъ и самыми выходами изъ удѣловъ, дорожить было нечего. Что касается отъѣздовъ изъ Москвы, то—съ ненадежныхъ въ этомъ отношеніи начинаютъ брать клятвенныя записи, по которымъ

Такимъ образомъ, конецъ собиранія по вопросу объ осадной повинности долженъ былъ сойдтись и сошелся съ началомъ его—конечно, по разнымъ причинамъ.

Іоаннъ III уже единодержавный государь, и — *введенность* въ смыслѣ перехода, выхода и принятія, исчезла. Съ этихъ поръ *введенность* можно понимать только въ смыслѣ *назначенія, приказа* [60]).

Въ смыслѣ назначенія, приказа введенность является въ *несудимыхъ грамотахъ*. Здѣсь введенный бояринъ судья—надъ тарханщиками вмѣсто государя,—конечно по волѣ государя.

Иногда такими судьями назначались дворецкіе, казначеи, сокольничіе, а иногда судъ надъ тарханщиками предоставлялся областнымъ правителямъ. Всѣ эти лица — *кромѣ введенныхъ бояръ*—бывали судьями надъ тарханщиками или по должности, или же вслѣдствіе ограниченнаго размѣра самого пожалованья.

На основаніи большинства несудимыхъ грамотъ, въ которыхъ высшимъ судьею назначается дворецкій, можно заключить, что судъ дворецкаго установляется обыкновенно въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, пожалованныхъ государемъ или удѣльными князьями изъ дворцовыхъ земель или же и изъ земель черныхъ, находившихся на дворцовомъ оброкѣ т.-е. судъ этотъ установлялся по прежней принадлежности земель къ дворцу государя или князя, давшаго на эти земли несудимую грамоту [61]). Этотъ порядокъ вот-

---

отъѣздъ считается наравнѣ со всякимъ *тихомъ*. Первая запись относится къ 1474 г. Рум. Собр. I, № 103; ср. *Соловьева*, V, 189 и сл. Договоры этого времени по прежнему признаютъ свободу отъѣзда, но—не трудно понять, что, при измѣнившемся взглядѣ на отъѣздъ изъ Москвы, эта свобода могла теперь служить исключительно въ пользу московскаго государя.

60) Повидимому, въ началѣ XVI вѣка вмѣсто *введенный бояринъ* употреблялось слово *слуга*. Слугою, напр., названъ знаменитый литовскій выходецъ, кн. Михаилъ Глинскій, которому были пожалованы великимъ княземъ Ярославецъ и Боровскъ въ кормленіе. П. С. Р. Л., VIII, 250, 257.—По свидѣтельству разрядной книги *Сибирскаго Сборника*, *слуга* считался выше окольничаго. Въ этой книгѣ, въ разрядѣ 1559 г., читаемъ: „въ большомъ полку князь Иванъ Дмитреевичь Бѣльской да слуга и воевода князь Михайло Ивановичь Воротынской, да окольничей Семенъ Васильевичъ Яковлевъ". Ср. *Соловьева*, VII, 317.

61) См., напр., А. Э. I, № 159 — несудимая 1515 г. духовенству Дмитровскаго, что на великокняжескомъ дворѣ, собора во Владимирѣ; № 171—idem 1522 г. Кассіано-Учемскому монастырю на земли, данныя вел. кн. Василіемъ Іоанновичемъ по душѣ брата его, Димитрія; № 208 — id. 1546 г. игумену Ѳеодору, строившему пустынку на *государевѣ дикомъ лѣсу* и на *дикихъ займищахъ*, никому непринадлежащихъ. Впрочемъ, иногда въ подобныхъ случаяхъ судьею назначался введенный бояринъ: см. ibid. № 163, хотя эту грамоту трудно объяснить вслѣдствіе дефектовъ въ началѣ.—Ibid. № 386—id. 1538 г. Терехову монастырю на земли, пожалованныя

чиннаго суда со временемъ перешелъ, какъ извѣстно, въ подсудность всѣхъ монастырскихъ и церковныхъ земель Большому Дворцу, какъ общему судебно-административному вѣдомству для церковныхъ установленій [62]). Кромѣ этого, дворецкіе, по грамотамъ, были судьями надъ тарханщиками по личной подсудности послѣднихъ Большому Дворцу [63]).—Повидимому, по тому же должностному началу судьями

государемъ.—А. И. I, № 131—id. 1526 г. Суздальскому Покровскому монастырю на таковыя же земли. № 188 — id. 1573 г. Новодѣвичью монастырю на государево *данье*.—Акты, относ. до юридич. быта древней Россіи, I, № 30, V—id. 1554 г. Новинскому монастырю на земли государева вклада по душѣ дяди вкладчика, кн. Юрія Іоанновича.—Сборн. Муханова, № 302—id. 1560 г. кн. Владимира Андреевича Холохоленскому монастырю на деревню пожалованную этимъ княземъ.—*Ѳедотова-Чеховского* Акты гражданск. распр., I, № 42 (стр. 44)—id. 1534 г. Ѳерапонтову монастырю на землю государева вклада; № 57 (стр. 97, 102 и 103)—id. 1507 и 1529 г. Каширскому Троицкому монастырю на пожалованныя черныя земли, находившіяся на дворцовомъ оброкѣ; № 75 (стр. 208) id. 1551 г. Троицкому Сергіеву монастырю на земли—большею частью дворцовыя оброчныя; № 97 (стр. 299),—id. 1535 г. Троицкому Сергіеву монастырю на жалованныя рыбныя ловли въ Переяславскомъ и Соминѣ озерахъ.—Ср. А. И. I, № 226—id. 1589 г. царицѣ-инокинѣ Александрѣ на вотчину, пожалованную ей государемъ.—Иногда въ несудимыхъ на жалованныя земли указывается какъ высшій судья не дворецкій, а введенный боярин. Повидимому, это объясняется — хотя и не во всѣхъ случаяхъ — тѣмъ, что земли сихъ грамотъ не подлежала дворцу князя, давшаго грамоту. Такова несудимая 1471 г., данная кн. Андреемъ Васильевичемъ Вологодскимъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю на земли, пожалованныя въ этотъ монастырь великими княгинями Софіею Витовтовною и Маріею Ярославною, т.-е. на *опричныя* княгининскія земли, пожалованныя самими собственницами; къ этимъ землямъ кн. Андрей присоединяетъ отъ себя пустошь, судъ же учреждаетъ по главной землѣ, неподлежавшей его дворцу, А. Э. I, № 95. Такова же несудимая 1494 г., данная вел. кн. Іоанномъ III Троицкому Сергіеву монастырю на земли, пожалованныя кн. Димитріемъ Шемякою по душѣ брата, Димитрія Краснаго, ibid. № 131.— Иногда назначеніе дворецкаго или введеннаго боярина въ несудимыхъ объясняется, повидимому, единственно усмотрѣніемъ, вызваннымъ какимъ-либо требованіемъ временной необходимости или удобства. Таковы назначенія — введеннаго боярина въ несудимой 1500 г., данной кн. Ѳеодоромъ Борисовичемъ Волоцкимъ Іосифову монастырю на княжескія земли, А. Э. I, № 136, или дворецкаго въ несудимой 1518 г. Чухломскому Покровскому монастырю на монастырскую волость, А. И. I, № 125, и въ несудимой 1539 г. Ярославскому Спасскому монастырю на земли, отказанныя въ монастырь по духовной кн. Сем. Ѳедор. Курбскаго. Сборн. Мухан., № 285. Впрочемъ, назначеніе дворецкаго въ этой, послѣдней, грамотѣ, быть можетъ объясняется еще и тѣмъ, что отказанныя монастырю земли были *княжеецкія*.

[62]) А. Э. I, № 259, 368; III, № 84. Въ XVII вѣкѣ подсудность монастырей Большому Дворцу дѣлается привилегіею, которая мало-по-малу распространяется на всѣ монастыри. По жалованной грамотѣ 1634 года, архимандриту, братіи, слугамъ и крестьянамъ Новгородскаго Юрьева монастыря дано право „во всякихъ исковыхъ дѣлѣхъ отвѣчать и искати на всякихъ людехъ въ одномъ приказѣ Болшаго Дворца— *такоже какъ и иные монастыри, которые отвѣчаютъ и ищутъ въ Приказѣ Болшаго Дворца на всякихъ чиновъ людехъ*". А. Э. III, № 250. Ср. ibid., № 312 — царская грамота 1642 г. Ладожскому воеводѣ Тучкову о высылкѣ посадскихъ, отвѣтчиковъ по иску игумена Тихвинскаго Успенскаго монастыря съ братіею, въ Новгородскую Четь.—Также см. проф., протоіерея *М. П. Горчакова*, Монастырскій Приказъ, 40 и сл.

[63]) А. Э. I, № 257 (ср. ibid., № 256)— судная грамота 1561 г., данная кн. Владимиромъ Андреевичемъ крестьянамъ дворцовой бобровничьей полусохи. Ѳедот.-

надъ тарханщиками бывали казначеи и дворцовые путники [64]).—Мѣстныя власти бывали такими судьями въ тѣхъ случаяхъ, если тарханщики лично не освобождались отъ мѣстной подсудности [65]).

Что касается до введенныхъ бояръ, то какъ судьи они указываются обыкновенно въ тѣхъ несудимыхъ, которыя давались на вотчины, пріобрѣтенныя не пожалованьемъ, а иными, гражданскими способами, или на помѣстья и, притомъ, такимъ вотчинникамъ или помѣщикамъ, которые, по роду своей службы или по своему общественному положенію, не были подсудны какому-либо особому вѣдомству [66]). Такъ оно и должно быть. Въ понятіи введенности, какъ

Чеховск, I, № 49 (стр. 59)—несудимая помѣстная грамота 1507 г. сытнику Курбату Третьякову.—Трудно объяснить, почему дворецкій кн. Ив. Ив. Кубенской въ 1537 году судилъ поземельную тяжбу, Кириллова монастыря съ крестьянами сосѣдней черной волости: см. грамоту на Бѣлоозеро отъ 1 іюля указ. года, ibid. № 48 (стр. 57).—

[64]) См., напр., о судѣ сокольничаго—А. И. I, № 295, 301; А. Э. II, № 53.—Судъ казначея: А. Э. I, № 385 — жалованная грамота 1524 г. Науму Кобелю съ тов. на новое поселеніе на соляныхъ ключахъ, найденныхъ ими за Двиной, на рѣчкѣ Юрѣ. О принадлежности соляного промысла къ княжескому или государеву имуществу см. *Аристова* Промышленность древней Руси, 72—73, *гр. Толстого* Финансов. учрежд. Россіи, 176 и сл.; также см. Котошихина, 75. 120. Въ XVI в. соляной промыселъ могъ быть отнесенъ къ вѣдомству казначеевъ, получившему въ это время значительное развитіе, ср. *Сергѣевича* Русск. Юрид. Древн. I, 417. Тѣми же соображеніями можетъ быть объясненъ судъ казначея въ жалованной грамотѣ 1606 г., данной царемъ Василіемъ Іоанновичемъ торговому человѣку Андрею Окулову, А. Э. II, № 49.

[65]) См., напр., А. И. I, № 111, 184; А. Э. I, № 245, III, № 89 и др. Въ несудимыхъ грамотахъ встрѣчается такая приписка: „*а которымъ своимъ намѣстникомъ или волостелемъ, или инымъ какимъ пошлинникомъ какову ни дамъ на грамотчики грамоту, а на сю мою грамоту грамоты нѣтъ*“ или: „*а котораго своего намѣстника пожалую, дамъ и на грамотчики свою грамоту, а на сю нашу грамоту иныя грамоты нѣтъ*“. Такимъ образомъ, различные размѣры тархановъ—въ смыслѣ полнаго или неполнаго изъятія изъ мѣстной подсудности — находились въ зависимости и отъ размѣровъ областного кормленія и значенія кормленщиковъ. Для духовныхъ тарханщиковъ судьями бывали и епархіальные архіереи. См. А. Э. I. № 171; III. № 114.—Сомнительна несудимая 1615 г., данная духовенству церкви св. Николая Великорѣцкаго на Вяткѣ: „..... а кому будетъ чего искати на самихъ Никольскихъ попѣхъ и дьяконѣ, ино ихъ судитъ отецъ нашъ и богомолецъ *Филаретъ Митрополитъ всеа Русіи*“ ibid., № 67.

[66]) А. Э. I, № 44 (ср. *Оѳотова-Чеховского* I, № 100, стр. 324), 46. 51, 60, 75, 88, 111, 122, 124, 132, 139, 149, 164. 166, 179, 217, 379. Ср. ibid. № 120 — несудимая 1487 г., данная Іоанномъ III Ивану Глядящему: „...что билъ челомъ моей великой княгинѣ Софьѣ и съ своею вотчиною, съ половиною селомъ Глядящимъ, что въ Муромѣ, въ Кузомскомъ стану, со всѣмъ тѣмъ, что къ его половинѣ потягло.... и язъ князь великій Ивашку *пожаловалъ тѣмъ его половиною селомъ Глядячимъ, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ его половинѣ изстарины потомужъ потягло* (дальше—тарханъ)“.— А. И. I, № 74, 83, 87, 88, 115 — Доп. къ А. И. I, № 17 — несудимая 1479 г., данная Вологодскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Спасо-Каменному монастырю; высшій судъ въ этой грамотѣ установленъ по главной землѣ, пріобрѣтенной монастыремъ мѣною и, повидимому, вкладомъ, атакже пожалованіемъ великой княгини Маріи Ярославны; къ этой, главной, землѣ князь Андрей присоедп-

мы видѣли, нѣтъ ни малѣйшаго намека на опредѣленную должность: это—приказъ, порученіе вообще, которое дѣлалось на данный случай. По отношенію къ суду надъ тарханщиками этотъ данный случай представлялся тогда, когда не было причины или было неудобно, невозможно поручать такой судъ опредѣленному должностному лицу, а—между тѣмъ—тарханщикъ освобождался отъ мѣстной подсудности.

Въ нѣкоторыхъ несудимыхъ грамотахъ говорится, что судьей надъ тарханщикамъ будетъ то лицо, *кому государь прикажетъ* [67]). Это выраженіе замѣняетъ собою указаніе на введенныхъ бояръ по мѣрѣ полнаго исчезновенія самаго термина.

Введенное боярство сослужило свою службу Московскому государству. Оно отдалило старыхъ окольныхъ бояръ и уничтожило ихъ дружинное значеніе. Не сила вещей, а воля государя уже исключительно опредѣляетъ близость къ трону и соотвѣтственную этой близости степень вліянія и сановности. Съ ходомъ объединенія Русской земли подъ властью московскаго государя должно было исчезнуть прежнее значеніе и *введенности*,—введеность становится обыкновеннымъ государевымъ приказомъ, назначеніемъ, порученіемъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича окончательно выясни-

нметъ и свое пожалованье, земли, вымѣненныя имъ у того же монастыря. Ср. несудимую названнаго князя, данную имъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю въ 1471 г. (въ примѣч. 61).—ibid., № 200, 208.—Акты, относ. до юрид. быта древн. Р. I, № 31, грамоты 14, 16, 20, 22, 23.— *Оедотова-Чеховского* I, № 28, (стр. 29), 32 (стр. 33).—Введеные бояре назначаются и въ тѣхъ несудимыхъ грамотахъ, которыя даются на вотчины, пріобрѣтаемыя частными лицами вмѣсто пени, см. А. И. I, № 180.

О помѣстьяхъ. См. Юшковск. сборн. № 143, 144. Акты до юрид. б. I, № 44, грамота 1; Доп. къ А. И. I, № 36; Сборн. Мухан. № 326; А. Э. I, № 141, ср. Юшковск. сб. № 9, 20.—Введенные бояре назначались въ судьи и въ томъ случаѣ, если въ помѣстія отдавались дворцовыя оброчныя земли: ibid. № 145, ср. случаи пожалованья дворцовыхъ оброчныхъ земель въ вотчину — въ примѣч. 61.—Можно думать, что судъ введеннаго боярина оставался и при пожалованіи бывшаго помѣстья въ вотчину,—см. несудимую 1544 года Троицкому Калязину монастырю на „село Городище съ деревнями и пустошьми, *что было за княземъ Александромъ Борисовичемъ Горбатымъ*“ Сборн. Мухан. № 129.

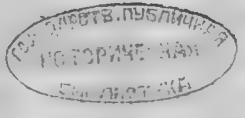
О введенномъ боярнѣ, какъ докладномъ судьѣ, см. А. И. I, № 106.

[67]) „*.....или мой бояринъ, кому язъ прикажу*“ А. И. I, № 217, „*.....или кому повелимъ судити*“ Доп. къ А. И. I, № 147. Въ несудимой, данной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1618 г. Чухломской Николаевской церкви, вм. введеннаго—просто *нашъ бояринъ*. А. Э. III, № 95. Этимъ актомъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ *переписалъ на свое имя* несудимую, данную Николаевской церкви еще въ 7026 г.

лось новое начало близости—только по волѣ государя и, притомъ, близости чисто-служилой. Въ подробныхъ перечняхъ чиновъ, назначаемыхъ въ царскіе походы этого времени, стольники раздѣляются на *комнатныхъ* и некомнатныхъ, и первые считаются выше вторыхъ [68]). Это—близкіе слуги государя, бывшіе неотлучно во дворцѣ—подобно древнимъ гридямъ [69]); въ походахъ они составляютъ ближайшую свиту государя. Но—*комнатная* близость была высшимъ почетомъ не для однихъ стольниковъ, а и для думныхъ чиновъ,—бояръ и окольничихъ [70]). Эта близость окончательно смѣнила старое окольное боярство, слѣдъ котораго сохранился только въ названіи чина, неимѣющаго никакого отношенія къ дѣйствительной близости.

П. Мрочекъ-Дроздовскій.

Москва, 14 октября 1898 года.



---

[68]) Дворц. Разр. III, 191—193, 205 и др. Ср. ibid., 287, 289 (объ окольничемъ Никифорѣ Сергѣевичѣ Собакинѣ).

[69]) См. приложенія ко 2-му выпуску моихъ *Изслѣдованій о Русской Правдѣ*, 25 и слѣд.

[70]) Котошихинъ, 20.—Ср., напр., списокъ чиновъ, пожалованныхъ пирогами въ день именинъ царицы Натальи Кирилловны въ 1675 г., Д. Р. III, 1623—1624; также см. *Сергѣевича* Русск. Юридич. Древн., I, 381 и сл.

Въ 1692 году холмогорскій воевода, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, за службу отца, былъ пожалованъ ближнимъ окольничимъ. Двинск. Лѣтопись, 61 и сл.